

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Мурманский арктический государственный университет»
(ФГБОУ ВО «МАГУ»)**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**МОТИВИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ПРОБЛЕМА
ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Выполнил обучающийся
Гордеев Никита Олегович
Бакалавриат: Лингвистика. Перевод и
переводоведение. Очная форма обучения

Научный руководитель:
Копылов Андрей Васильевич, к.ф.н., доцент

Мурманск
2019

Содержание

Введение	3
Глава 1 Мотивология: теоретические и лексикографические аспекты	8
1.1 Исследование и сравнение значений терминов «мотивированность» и «внутренняя форма слова».....	8
1.2 Произвольность и обусловленность языкового знака как предмет изучения мотивологии.....	14
1.3 Мотивированность языкового знака как проблема переводоведения.....	23
Выводы по главе 1.....	35
Глава 2. Отражение явления мотивированности слов в практике лексикографирования.....	37
2.1 Описание лексической мотивированности в англо-русских словарях..	37
2.2 Описание мотивированности слов в латинско-русских словарях.....	48
Выводы по главе 2.....	67
Заключение	70
Библиография	72
Приложение 1. Словарные статьи, использованные при написании работы.....	78
Приложение 2. Примеры словарных статей, отражающих явление лексической мотивированности, созданные при написании работы.....	91

Введение

Темой данной работы является рассмотрение подходов к описанию мотивированности слов в двуязычных словарях. То есть данная работа проводится в рамках науки лексикографии, которая занимается созданием и изучением словарей. Эта наука имеет весьма интересную природу, связанную с тем материалом, над которым она работает, т.е. словарным составом языка. Словарь должен служить неким датчиком, детектором, чутко реагирующим на каждые происходящие в языке изменения, вне зависимости от того, в какой именно области эти изменения произошли. В результате, так как развитие языка происходит непрерывно, непрерывно меняется и содержание словарей. Содержание меняется, оно должно меняться, однако, что касается формы представления этого содержания, порой она может создать впечатление некой ригидности. То есть нельзя, конечно, сказать, что, в отношении представления материала, словари не меняются вообще. Например, между «Словарём английского языка» Сэмюэля Джонсона и The Penguin English Dictionary, вероятно, даже не слишком искушённый пользователь сможет найти некоторые различия. Однако нельзя не отметить, что для большинства европейских языков, в частности русского и английского, набор некоторых классических толковых и двуязычных словарей был сформирован в 50-70-ые гг. XX века и с тех пор их перечень особо не изменился. То же справедливо и для самой лексикографии, если за последние 50 лет в ней и происходили какие-либо существенные перемены, то они оставались, как правило, незамеченными рядовыми пользователями и о них было известно преимущественно в узких академических кругах. Возможно, это не стоит считать каким-то существенным упущением со стороны лексикографов, может быть, в таком подходе есть свой прагматизм и рациональное зерно – зачем менять то, что и так хорошо работает? Вполне вероятно. Однако

необходимо напомнить, что язык – это всё-таки очень многогранный феномен, который, в виду своей уже упомянутой изменчивости, предлагает огромный простор для его изучения и описания. Любой естественный язык состоит из слов, т.е. знаков. И эти слова-знаки, в свою очередь имеют, как мы знаем, две стороны: содержание и форму. И именно эти две стороны вполне закономерно первыми обратили на себя внимание, именно их первыми принялись описывать в словарях. Однако теперь, когда правила описания этих двух составных частей слова в лексикографии, по всей видимости, оформились, можно, вероятно, пойти дальше. Например, перейти к описанию внутренней формы слова, т.е. к его мотивированности. Тем более что эта внутренняя форма слова зачастую бросается в глаза ничуть не меньше внешней.

Кратко, **актуальность** работы заключается в том, что она проводится в русле перспективного научного направления, *мотивологии*, а исследуемый в работе феномен мотивированности лексических единиц является в некотором смысле одним из наиболее субъективных для лингвистики – слово обладает мотивированностью ровно до тех пор, пока говорящий эту мотивированность ощущает и осознает. И, следовательно, изучая мотивированность, мы изучаем человека и особенности восприятия им его собственной речи, то есть проводимое исследование вполне соответствует существующему на сегодняшний день стремлению к *антропоцентризму в науке* вообще и в лингвистике в частности. Антропоцентрическая направленность работы отнюдь не нивелируется тем, что мотивированность здесь исследуется в её лексикографическом аспекте; эта направленность лишь в несколько ином виде высвечивается, так как словарь описывает язык, и делает он это, естественно, для человека, а описывая, в частности, явление мотивированности словарь как бы рассказывает человеку о нём самом и о том, как он думает. Так что

антропоцентрический характер данного исследования вполне ясен, тем более, что качественный словарь существует, конечно, не сам по себе, а создается для читателя, для того чтобы удовлетворять потребности своего потребителя, то есть, в конечном счете, для человека.

От этой цепочки умозаключений можно перейти к формулированию **цели** нашей работы. Её можно выразить как – рассмотрение того, как в словарях различных языков описывается явление лексической мотивированности, какие при этом описании используются принципы, а также, по возможности, формулирование предложений, как это описание можно усовершенствовать. Для достижения этой цели, необходимо выполнить несколько теоретических и практических **задач**:

- определить значение терминов «мотивированность» и «внутренняя форма слова», чем они отличаются друг от друга и как взаимосвязаны;
- выяснить, какую роль может играть явление мотивированности в процессе перевода и тем самым заложить теоретическую основу для дальнейших исследований;
- рассмотреть несколько двуязычных словарей русского и английского языка, привлекая, впрочем, также одноязычные и по возможности словообразовательные словари с целью выяснить и сравнить как в них описывается явление лексической мотивированности;
- исследовать методы описания мотивированной лексики, применяемые в словарях латинского языка; это представляется весьма перспективным в виду того, что этот классический язык имеет довольно долгую историю изучения, и потому используемые

для его описания лексикографические приёмы могут отличаться от тех, что используют в англо-русских словарях;

- сделать выводы о том, как в двуязычных словарях описывается явление мотивированности, а также сформулировать предложения, как это описание можно усовершенствовать.

Представленный выше перечень задач помогает внести ясность в то, что является предметом и объектом данного исследования. **Объект** исследования – это словарные статьи, описывающие мотивированные лексические единицы, переводных, толковых и словообразовательных словарях пар языков: английский-русский и латинский-русский. **Предмет** – применяемые в вышеуказанных типах словарей лексикографические методы описания мотивированности слов. Основными **методами**, использованными при написании данной работы, являются – анализ и сравнение словарных статей с точки зрения описания в них явления лексической мотивированности; далее результаты этого анализа используются для синтеза идей и предложений о том, как обнаруженные лексикографические практики описания мотивированной лексики могут быть усовершенствованы. С точки зрения **структуры**, работа, состоит из двух частей – теоретической и практической. В теоретической части последовательно рассматриваются вопросы о том, какое внимание современная лексикография уделяет явлению лексической мотивированности, что такое мотивированность и внутренняя форма слова с общелингвистической точки зрения, рассматриваются значения понятий мотивированность, обусловленность и произвольность языкового знака, а затем изучается то, как феномен мотивированности лексических единиц влияет на практику перевода и трактовку понятия единицы перевода. В практической части работы описываются и сравниваются, с точки зрения

методов описания лексической мотивированности, разумеется, несколько (три) англо-русских словаря, затем аналогичная работа проводится с двумя латинско-русскими словарями. Завершается практическая часть предложениями о том, как, по мнению автора, могло бы выглядеть словарное описание лексической мотивированности. В конце, как теоретической, так и практической, частей даются выводы по главам; также у работы имеется общее заключение и приложение, в котором приведены использованные при создании работы словарные статьи.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что по итогам данного исследования автор планирует получить достаточно большой объём практической информации о том, как в словарях описывается явление лексической мотивированности, какие для этого используются методы. Возможно также, что в ходе работы будут выявлены некоторые недостатки этого описания, и если эти недостатки действительно будут обнаружены, планируется предложить способы их устранения. То есть, в общем, практическая значимость данной работы заключается в её потенциальном вкладе в совершенствование лексикографического описания мотивированных лексических единиц. Не исключено также, что в ходе работы будет собран материал, который позднее можно будет использовать при чтении лекций и преподавании курсов лексикологии и теории перевода в ВУЗах.

Глава 1. МОТИВОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1 Исследование и сравнение значений терминов «мотивированность» и «внутренняя форма слова»

Вопрос об обусловленности и произвольности языковых знаков уже несколько столетий волнует умы лингвистов по всему миру. Он оказывался в сфере интересов таких классиков языкознания как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр и А.А. Потебня, и более того об «именах» и их происхождении в диалоге «Кратил» рассуждал древнегреческий философ Платон. Очевидно, что подобное внимание к этой проблеме является отнюдь не случайным и небезосновательным. Однако если интерес к этому вопросу вполне объясним, с самим ответом на этот вопрос не всё так однозначно. Людей всегда интересовало, что стало источником тех имен, которые носят окружающие их явления. Каковым был ход мыслей наших древних предков, когда они, вооружившись языком, начали нарицать вещи вокруг себя и тем самым, по сути, членить этот мир, создавать его для себя и, как следствие, для нас. Трудно надеяться, что эти вопросы, когда-нибудь получат достойный и верный ответ. Ведь, чтобы ответить, откуда произошли имена вещей, нужно сначала ответить, откуда произошёл и язык как таковой, что представляется практически невозможным для современной науки (здесь можно также добавить, что, как говорил Ф. де Соссюр, вопрос о происхождении языка «не к чему даже ставить» [Соссюр, 1999, с. 74]).

Однако, похоже, что сложность и кажущаяся невыполнимость этой задачи лишь подогревает интерес и стремления учёных раскрыть загадку обусловленности или произвольности языковых знаков. В 70-ых годах прошлого столетия начала своё становление наука мотивология. В рамках

этого направления лингвистики такие учёные как О.И. Блинова, А.С. Савенко, А.В. Шевчик, А.Д. Жакупова и др. продолжают классические традиции языкознания, основоположниками которых являются уже названные Ф. де Соссюр, Ш. Балли и А.А. Потебня, а также творчески перерабатывают эти традиции, в соответствии с современными тенденциями изучения языка, делая особый упор на его когнитивный, прагматический и антропоцентрический аспекты. И хотя данная работа в большей степени относится к лексикографии, в ней, тем не менее, затрагиваются вопросы мотивированности слов, что обуславливает явную связь между ней и мотивологией. Потому в дальнейшем имеет смысл ссылаться и опираться на результаты и достижения этого направления в языкознании.

Несмотря на кажущуюся молодость этой науки (первое систематизированное представление о мотивологии как науке было дано лишь в 1974 году в докторской диссертации О.И.Блиновой, «Проблемы диалектной лексикологии»), мотивологическому аспекту изучения языков было посвящено несколько диссертаций, докторских и кандидатских, монографий, статей, были составлены мотивационные словари, изучающие разные пласты лексики русского и иностранных языков. Всё это является неоспоримым доказательством важности и, что не мене важно, востребованности мотивологических исследований. Ведь мотивология, как говорит О.И. Блинова – это «наука о том, как отражаются в языке человек и Вселенная и как язык осознается человеком (“язык глазами человека”), это наука, которая развивается в тандеме ученого и рядового носителя языка» [Блинова, 2007, с. 131]. Помимо уже названных успехов этой молодой, но бурно развивающейся науки, в её рамках был разработан «Словаре терминов мотивологии», насчитывающий около 200 терминологических единиц и представляющий тем самым всю

современную терминосистему мотивологии. Для автора данной работы важнейшими из этих терминов являются мотивированность, а также внутренняя форма слова.

О.И. Блинова в своей диссертации 1975 года определяет мотивированность как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [Блинова, 1975, с. 28-29]. В этой же, а также последующих работах О.И. Блинова стремится дать определение понятию «внутренняя форма слова», учёный даёт свою развернутую трактовку ВФС с ее определением, обоснованием названия (предложенного А. А. Потебнёй), структурой, членением, сопутствующими научными понятиями [Блинова, 2012, с. 137]. По мнению О.И. Блиновой, «...представляется целесообразным определить внутреннюю форму слова в отличие от его внешней формы (звуковой оболочки) как способ (средство) выражения, воплощения его мотивированности: лексической (результат мотивации лексемой, словом) и структурной (результат мотивации морфосемантической и лексико-семантической структурой)» [Блинова, 1975, с. 28-29]. То есть, учёный определяет ВФС как средство выражения мотивированности. И значит, для целей нашего исследования, в первую очередь, важно уяснить, что мотивированность и ВФС – это различные языковые явления. Однако, что касается приведенного определения ВФС, похоже, что оно было недостаточно подходящим, так как указывало не столько на то, чем является ВФС, сколько на то чем она не является. И вероятно, поэтому в своей работе 1976 года О.И. Блинова даёт новое более конкретное определение для этого термина: ВФС – это морфосемантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения [Блинова, 1976, с. 3-17]. Этот же определение

используется и в более поздних работах автора [Блинова, 2012] и в целом оно доказало свою эффективность, будучи апробировано в ходе различных исследований, проведённых мотивологами в течение последних сорока лет. Впрочем, можно высказать замечание о том, что в таких трактовках ВФС и мотивированность мало чем друг от друга отличаются: мотивированность – структурно-семантическое свойство слова, а ВФС – его морфосемантическая структура; и то и другое служат для объяснения связи звучания слова с его значением. Это верно, термины действительно кажутся близкими по своему смыслу, однако они отнюдь не синонимичны, так как свойство и структура – это, очевидно, не одно и то же (например, свойство сыпучести у песка можно объяснить тем, что он состоит из крошечных песчинок, т.е. через его структуру).

Следует заметить также, что высказанное выше возражение против данного определения ВФС, скорее всего, является далеко не единственным и не самым серьёзным. Это связано с тем, что ВФС – это термин, который, не смотря на свою довольно долгую историю, до сих пор не обрёл однозначного определения, и различные учёные трактуют его по-разному, в зависимости от того, к какому направлению приурочено их исследование. Этимолог воспринимает ВФС сквозь призму этимона: «связь звукового состава слова и его первоначального значения» (В.В. Иванов), дериватолог – через связь производного слова и производящего (А.И. Фёдоров, И.С. Улуханов, Е.А. Земская), ономаσιолог – через номинационный признак (М.М. Гинатулин, А.И. Фёдоров, В.Г. Гак), когнитолог – сквозь призму гештальтструктуры, концептуализацию объектов действительности (В.Н. Телия, Т.И. Вендина, И.В. Хохлова, Е.Е. Чикина, Т.А. Сидорова), лингвокультуролог – с опорой на выражение определённого видения мира (Н.Г. Комлев, И.В. Четыркина, Т.А. Сидорова) и т.д. [Блинова, 2012, с. 8]. Многие лингвисты, в частности

Ю.С. Маслов, склонны отождествлять ВФС и мотивированность. Другие выступают против термина ВФС и заявляют о его некорректности в виду того, что, по их мнению, форма может быть только внешняя.

Вероятно, что другой важной причиной, препятствующей дать термину ВФС единственное строгое определение, является то, что его автор, академик А.А. Потебня, различно трактовал его в различные периоды своей лингвистической деятельности. Первоначально А.А. Потебня рассматривал его с чисто психологической точки зрения, а позднее начал указывать на то, что в формировании ВФС участвуют также и внутрилингвистические факторы. Потому теперь, чтобы окончательно убедиться в том, является ли правомерным наше решение различать мотивированность и ВФС, как различные явления, автор считает необходимым обратиться к работам самого А.А. Потебни.

В работе «Эстетика и поэтика» А.А. Потебня пишет: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 114–115]. Более широкое определение даётся в книге «Из записок по русской грамматике»: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутреннею их формою, в отличие от внешней звуковой, иначе — способом представления внеязычного содержания» [Потебня, 1958, с. 6]. В качестве примера приводится слово *подснежник*, в котором наряду с прямым значением усматривается представление о цветке, «растущем под снегом». Из этого можно заключить, что ВФС – это структурный элемент слова, однозначно отличный от звуковой оболочки этого слова, не выражающий непосредственное значение этого слова, но указывающее на связь этого значения и звуковой оболочки. Более того, эта связь указывается весьма эксплицитно, так, что слово может даже приобрести некий новый оттенок

значения: если человек, например, никогда не видел подснежник и не знает, что это такое, у него в сознании всё равно возникнет представление о чём-то, находящемся под снегом. То есть, помимо прямого значения, у слова возникает и ещё одно, которое, мы, в рамках данного, исследования назовём мотивированностью. Весьма примечательно то, как выше сказанное перекликается с мыслью Ю.С. Маслова, который включал мотивировку «в состав содержания слова в качестве необязательного, но возможного компонента, связанного, так или иначе, с концептуальным ядром лексического значения, а также с эмоциональными и иными коннотациями» [Маслов, 1975, с. 138]. Это вдвойне интересно потому, что, как уже было сказано, Ю.С. Маслов предпочитал отождествлять ВФС и мотивированность (точнее, мотивировку), которую он определял как «... способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный „образ“ этого значения, можно сказать — сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова...» [Маслов, 1975, с. 138].

Чтобы подвести черту под рассуждениями о соотношении понятий мотивированность и ВФС, хотелось бы привести высказывание современного исследователя, занимающегося этим вопросом, О.В. Прокофьевой. Если мы можем ответить на вопрос «Почему данный предмет или явление названо данным сочетанием звуков?», стоит говорить о явлении мотивированности. Мотивированность слова, на наш взгляд, непосредственно связана с внутренней формой слова отношениями включения. Внутренняя форма слова, связанная со значением слова и явлением мотивированности, объединяет эти два понятия [Прокопьева, 2012, с 180].

1.2 Произвольность и обусловленность языкового знака как предмет изучения мотивологии

Понятию мотивированности в некотором смысле противопоставлен термин «произвольность», введённый в лингвистический оборот Ф. де Соссюром. Ф. де Соссюр наделял свойством произвольности языковые знаки, которые, по его мнению, связывают некое понятие и акустический образ (т.е. означаемое и означающее). Ф. де Соссюр особо подчёркивает также, что оба эти компонента являются чисто психическими: некое понятие, как мы знаем, отнюдь не является вещью (даже если понятие обозначает некий материальный объект, например дерево, оно остаётся совершенно абстрактным), а акустический образ, хотя и имеет чувственную природу, не тождественен фонеме и «является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания» [Соссюр, 1999, с. 69]. Для Ф. де Соссюра акустический образ является фактом виртуального языка вне какой-либо реализации его в речи. Двигательный аспект, т.е. фонемный строй слова, может, таким образом, лишь подразумеваться или, во всяком случае, занимать только подчиненное положение по отношению к акустическому образу.

Знак, слово, по Ф. де Соссюру, есть некое целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, и эта ассоциация, эта связь, по мнению Ф. де Соссюра, произвольна. Например, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков [с'-э-с-т-р-а] или [s-i-s-t-ə]. В таком виде, по достаточно категоричному заявлению швейцарского лингвиста, «принцип произвольности никем не оспаривается». Так ли это в действительности, мы сможем рассмотреть чуть позже, а в данной части важным кажется

указать на то, что произвольность языкового знака, в том виде, в каком её утверждает Ф. де Соссюр, не стоит путать с произвольностью его употребления. Означающее является произвольным по отношению к выражаемому им понятию, но по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. Языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть, язык есть нечто, чему подчиняются, а не свободно принимают [там же, с. 74]. Далее в рассуждениях Ф. де Соссюра можно заметить некоторое противоречие, которое, впрочем, является лишь кажущимся. Лингвист утверждает, что «нетрудно себе представить возможность в прошлом акта, в силу которого было заключено соглашение о распределении определенных понятий по определенным акустическим образам». То есть, он предполагает, что изначально языковой знак был создан коллективом в результате некоего произвольного акта. Но затем, после того, как язык и составляющие его знаки были созданы, этот коллектив уже не может на него повлиять. Получается, что язык – это социальный институт, созданный обществом, но который, при этом, до некоторой степени управляет этим обществом, или, по крайней мере, ограничивает его. Это утверждение, весьма неоднозначное по своей сути, становится ещё более спорными после того, как, исходя из него, Ф. де Соссюр заключает, что языковой знак обладает свойством неизменчивости.

Однако здесь важно заметить, что, говоря о неизменчивости, Ф. де Соссюр подчёркивает, что это именно общество не способно повлиять на унаследованную им систему языковых знаков. И учёный приводит этому ряд убедительных доказательств. Язык является системой, которая, с одной стороны, представляет собой сложный механизм и постичь ее

можно лишь путем специальных размышлений, а с другой произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его. Говорящие, будь они даже сознательнее, чем есть на самом деле, не могли бы обсуждать вопросы языка. Ведь для того чтобы подвергать обсуждению какую-либо вещь, надо, чтобы она отвечала какой-то разумной норме, а язык, как уже было сказано, это результат произвола. Немаловажным является также тот факт, что язык можно было бы изменить, если бы число элементов, его составляющих, было ограниченным, но число знаков языка потенциально бесконечно. Ключевым же аргументом в пользу того, что коллектив не способен повлиять на язык, является то, что общество само выступает, прежде всего, как консервативный фактор; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно, и таким образом из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы [там же, с.76]. Здесь Ф. де Соссюр указывает на наличествующую в обществе инертность в отношении языка, что язык это также и историческое явление, и потому на его употребление сильно влияют предшествующие традиции. И что также весьма важно, изначальная произвольность в соотношении означающего и понятия ведёт к отсутствию этой произвольности в дальнейшем. «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» [там же, с.77].

Далее Ф. де Соссюр указывает на то, что произвольность знака, его социальная природа, а также непрерывность его протекания во времени приводят к ещё одному следствию, которое, на первый взгляд, кажется противоречащим первому, а именно: языковой знак изменчив. Ф. де Соссюр утверждает существование некоторых факторов, которые

приводят к сдвигу отношения между означаемым и означающим. И очень важно при этом, что из-за первоначальной произвольности знака, язык не способен этим факторам сопротивляться. То есть, с одной стороны, произвольность его знаков теоретически обеспечивает свободу устанавливать любые отношения между звуковым материалом и понятиями (так как звуки и смысл, заключённые в знаке, живут совершенно обособленно), а с другой, его общественный характер, и то, что его развитие протекает во времени, приводят к тому, что никто ничего не может в нём изменить. Язык находится в постоянной эволюции, он находится как бы в плену различных внешних и внутренних сил, которые побуждают его изменяться, воздействуя либо на звуки, либо на смысл знака. Главной причиной этой эволюции, говоря общими словами, является время, которое, как выразился Ф. де Соссюр, «изменяет все, и нет оснований считать, что язык представляет исключение из этого общего правила» [там же, с.79]. То есть, в данный момент времени общество не может с помощью разумной воли повлиять на доставшийся ей по наследству произвольный языковой знак, и в этом отношении язык свободен. Но здесь важно помнить, что язык – это осуществляемый посредством речевой деятельности социальный конструкт, и что социальный характер языка – это одно из его внутренних свойств. И поскольку данный момент времени, настоящее – это постоянный бег, общество перескакивает из одного мгновения в другое и, что важно для языка, общество тащит его за собой. И здесь язык теряет свою свободу, так как время позволяет воздействующим на него социальным силам оказывать свое действие; мы приходим, таким образом, к принципу непрерывности, аннулирующему свободу [там же, с. 80]. Однако непрерывность по необходимости подразумевает изменение, то есть более или менее значительные сдвиги в отношениях между означаемым и

означающим.

В целом может показаться странным, или даже парадоксальным, что язык – это одновременно произвол и необходимость, что он одновременно свободен и пленён, изменчив и неизменчив. Однако парадокс этот является лишь кажущимся, и трудно не согласиться с учеником Ф. де Соссюра, Ш. Балли, который выразил мнение, что противопоставлением «антонимичных терминов он (Ф. де Соссюр) лишь хотел резче подчеркнуть ту истину, что язык изменяется, а говорящие на нем изменить его не могут. Эту же мысль можно было бы выразить иначе; язык неприкосновенен (*intangible*), но не неизменяем (*inalterable*)» [там же, с. 77]. Мысль Ф. де Соссюра и в самом деле истина, но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место. Для нас же сейчас наиболее важно указать, каково же место этой истины в рамках нашего переводоведческого исследования.

Исходя из вышеприведённых размышлений швейцарского лингвиста, можно сделать вывод, что произвольность языкового знака, как её обосновывал Ф. де Соссюр, отнюдь не тождественна его немотивированности. То, что то или иное понятие определённый языковой коллектив выражает определённым набором звуков, является для этого понятия (а также для той вещи, которую мы мыслим этим понятием) совершенно случайным фактом. Это неоспоримо. Но также неоспоримо и то, что для самого языка, а также для коллектива, который им пользуется, эта связь совершенно не случайна, она необходима и закономерно предопределена непрерывным существованием языка во времени и в рамках этого коллектива (пускай даже в основе языка и лежит произвольный акт, произвол). Данное умозаключение находит своё подтверждение и в размышлениях самого Ф. де Соссюра, который утверждал, что знак, не смотря на свою произвольность, всё-таки может

быть относительно мотивированным [там же, с. 131]. Источником этой мотивированности является то, что знаки языка находятся между собой в синтагматических и ассоциативных отношениях, которые ограничивают абсолютную произвольность знака. То есть исходя из этого, можно сделать вывод, что язык, после того, как он был сотворён, не может являться ни полностью произвольным, ни полностью мотивированным. Или как эту же мысль выразил сам Ф. де Соссюр: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – можно найти все промежуточные случаи [там же с. 133]». Причина, по которой язык не может достигнуть полной произвольности или полной мотивированности заключается в том, очевидно, что язык – это часть общества, которая, если и может быть рационализирована, то лишь отчасти, так как, как уже было сказано, первоначальная связь некоего понятия (или представления) с определённым набором звуков была случайна, произвольна и иррациональна (здесь можно задать вопрос, а была ли в человеке вообще какая бы то ни было рациональность до появления языка, однако это выходит за рамки нашего исследования). Ф. де Соссюр выразил схожую мысль так: «... вся система языка покоится на иррациональном принципе произвольности знака. Однако разуму удастся ввести принцип порядка и регулярности в некоторые участки всей массы знаков (которая, по мнению Ф. де Соссюра, бесконечна – прим. автора), и именно здесь проявляется роль относительной мотивированности. Если бы механизм языка был полностью рационален, его можно было бы изучать как вещь в себе (*en lui-même*), но он представляет собой лишь частичное исправление хаотичной по природе системы» [там же, с. 133].

Какой вывод мы можем сделать, исходя из всего вышесказанного?

По всей видимости Ф. де Соссюр прав – языковой знак действительно произволен. Однако здесь важно напомнить, что наследие Ф. де Соссюра отнюдь не ограничивается одним единственным постулатом о произвольности языкового знака. Другим его важнейшим достижением является то, что он был одним из первых, кто разграничил язык (*langue*) и речь (*parole*). И что важно для нас сейчас, язык занимает, по его мнению, как бы подчинённое место, «язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности (*langage*)» [там же, с. 17]. Более того, «язык – условность, а какова природа условно избранного знака, совершенно безразлично» [там же, с. 18]. И это действительно так, индивиду в момент говорения в большинстве случаев безразлично, почему именно этот акустический образ закрепился именно за этим понятием. Но знак, который соединяет образ и понятие, для говорящего небезразличен, так как «речь есть индивидуальный акт воли и разума» [там же, с. 22]. И если определять речь так, в ней, в некотором смысле, осмысленно должно быть едва ли не всё, ведь трудно использовать в качестве орудия мысли то, что само по себе неосмысленно. Осмысленным может быть даже звук, «ибо он есть лишь орудие для мысли и самостоятельного существования не имеет; звук, сложное акустико-артикуляционное единство, образует в свою очередь новое сложное физиолого-мыслительное единство с понятием» [там же, с. 16]. Эту же мысль, кстати, высказывал и А.А. Потебня: «звук проникнут мыслью». Суммируя вышесказанное можно констатировать следующие: связь между означаемым и означающим – произвольна, т.е. языковой знак – произволен; однако речь, как акт воли и разума, должна быть осмысленна, то есть мотивированна.

Здесь, впрочем, необходимо сделать одно существенное уточнение. Ф. де Соссюр, постулируя произвольность языкового знака, разъяснял также, что ни полная произвольность, ни полная мотивированность в

языке не могут быть достигнуты, так как язык – это социальное явление. Также и автор говоря, что речь должна быть осмысленна (заявление, которое само по себе, впрочем, и не является чересчур скандальным), должен добавить, что всё в ней осмысленно быть не может, и ограничения здесь также вносит реализуемый в речи язык, а точнее, его социальная природа. Очевидно, что прежде, чем начать говорить на каком-либо языке, человеку нужно им овладеть. И процесс этого овладения, естественно, нельзя отождествлять с процессом создания нового языка. Каждое слово было выучено человеком, употребляющим его, от человека, который уже умел употреблять его ранее. Он воспринял это слово как знак определённой идеи, поскольку оно так раньше и использовалось [Соссюр, 1999, с. 47]. Человек перенимает язык, как систему, каждый элемент которой уже имеет закреплённое за ним значение и связи с другими элементами. В этом отношении языковой знак можно считать условным, в том смысле, в каком этот термин предложил американский лингвист, Уильям Дуайт Уитни. Условность он понимал как, установленную по внешнему соглашению, по правилу усвоенную связь означающего и означаемого, которая не может быть нарушена [Мочалина, 2008, с. 264]. Для понимания социальной природы языка этот термин является весьма существенным. Но помимо этого понятия, У.Д. Уитни также разрабатывал и другое понятие, которое очень перекликается с уже проведенной нами работой, понятие о «внутренней форме» языка. Этой внутренней формой индивид овладевает в процессе изучения родного языка таким образом, что процессы его усвоения связаны с выработкой одновременно и системы определённых ограничений, которые являются для носителя языка неосознанными [Шевченко, 2013, с. 48]. Сам У.Д. Уитни выразил эту мысль так: “It amounts simply to this: that the mind which was capable of doing otherwise has been led to view things in this particular way, to group them

in a certain manner, to contemplate them *consciously* (выделено мной. – Н. Г.) in these and those relations” [Whitney, 1965, с. 22]. То есть, овладевая языком, человек овладевает и способностью мыслить, эти две способности появляются в человеке одновременно (здесь важно учесть, что под языком понимается вообще любая знаковая система). Эти способности находятся в таком неразрывном единстве, что те ограничения, которые язык накладывает на способность мыслить, как таковые и не воспринимаются. Это можно сравнить с вождением автомобиля: человек ведёт машину по дороге, и эта дорога, по большому счёту, ограничивает его пространство для маневра, однако как реальное препятствие это никто не воспринимает. Но в отношении языка дело обстоит ещё удивительнее. Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе [Соссюр, 1999, с. 22], а языковые знаки «суть реальности, локализующиеся в мозгу» [там же, с. 23]. Язык и его знаки – это объекты, которые можно не только осознанно созерцать, но и осознанно изменять. Индивид в процессе осмысленной речи может менять язык и на самом деле меняет его, однако орудия для этого изменения сам же язык и подаёт. И каждый индивидуальный речевой акт – это этап естественной эволюции языка (эта эволюция им же и предопределяется, это его внутреннее сущностное свойство, она ему имманентна), как каждый человеческий индивид – это этап в эволюции всего человеческого рода.

Подводя итог, хотелось бы вновь озвучить мысль Ф. де Соссюра о том, что языковой знак произволен, это результат случайности, с которой ни один индивид или даже коллектив ни чего не способен сделать. Появление языка – это такая же случайность, как появление, например, первичного бульона, из которого зародилась жизнь. Но эта случайность, давшая толчок к появлению жизни, предопределила также и те законы, по которым эта жизнь продолжила своё развитие, возможно, эта случайность

даже поставила перед каждым индивидуальным организмом некую цель, или, по крайней мере, наделила его неким внутренним мотивом. Та же ситуация и с языком (сходство можно сделать ещё более очевидным, напомнив, что язык, вероятно, тоже является результатом эволюции). Произвольность, положившая ему начало, предопределила весь ход его дальнейшего развития. И в результате в каждом языковом знаке откладывается некий «внутренний образ», а каждый индивидуальный речевой акт наделяется мотивированностью. Речь, как акт воли и разума, таким образом, является осмысленным сотворением нового на основе старого, или как высказался Ф. де Соссюр: «речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление (*institution actuelle*) и продукт прошлого» [там же, с. 16]. И изучение этой осмысленной мотивированной речи является для нас одной из наиболее важных задач, так как эта речь вносит в язык «принцип порядка и регулярности», она ограничивает изначальную произвольность языкового знака, а «рассмотрение языка именно с этой точки зрения – это наилучшая основа исследования» [там же, с. 132].

1.3 Мотивированность языкового знака как проблема переводоведения

Высказывая вышеприведённую мысль, Ф. де Соссюр, по всей видимости, имел в виду, в первую очередь, лингвистические исследования. И потому может возникнуть вопрос: а возможно ли распространить эту идею также и на переводоведение? И если да, то как. По мнению, автора данной работы, это вполне возможно и можно также предположить, что такой подход к переводу может оказаться весьма эффективным. Это связано с тем, что, как известно, переводчик также имеет дело с осмысленной речевой деятельностью, с помощью которой индивид

стремится разумно упорядочить массу известных ему языковых знаков, выбрать из неё те, которые ему необходимы и реализовать некоторые из присущих этим знакам значения (либо даже придать им какие-то новые потенциально возможные значения). И нельзя забывать также, что всё это индивид делает с некоторой целью и внутренним мотивом, ему требуется выразить некоторую мысль и некоторый образ. И переводчик должен идти вслед за мыслью этого индивида, понять, что именно тот хочет выразить, какими языковыми знаками он хочет это выразить и как эти языковые знаки способствуют или препятствуют ему в этом. Следовательно, перевод можно рассматривать как интерпретацию с постоянной оглядкой на языковой знак, какое значение им выражается и как. Подобный подход к переводу можно описать как семиотический. Впрочем, здесь, вероятно, необходимо сделать одно важное уточнение. Для передачи смысла оригинала, по всей видимости, отнюдь не безразлично то, как этот смысл выражается, не безразлична, если можно так выразиться, «буква» оригинала. Зачастую форма выражения некоторого содержания несёт также и свой дополнительный смысл; эти смыслы могут существовать в тексте параллельно, могут дополнять друг друга, а порой форма по своей осмысленности может даже превалировать над содержанием. Эта мысль, конечно, не является сенсацией в переводоведении, так как, то, что отдельное слово, морфема или фонема в определённых случаях могут быть единицами перевода, как правило, не ставится под сомнение и подтверждается также практикой перевода. В связи с этим представляется важным в рамках теоретической части данной работы, кратко рассмотреть, как различные учёные трактуют понятие переводческой единицы, а также как оно соотносится с понятием единицы языковой.

Вопрос о том, что считать единицей перевода (ЕП), можно назвать одним из наиболее трудных в переводоведении. Трудности возникают в

связи с тем, что учёные не могут однозначно определить критерии для выделения этой единицы. И как следствие, используя этот термин, различные исследователи вкладывают в него различные смыслы, тем самым внося путаницу в терминологический аппарат науки о переводе.

Впервые понятие единицы перевода было предложено Ж. Вине и Ж. Дарбельне. Единица перевода понималась этими лингвистами как минимальная единица исходного текста (ИТ), переводимая как единое целое в том смысле, что она имела соответствие в тексте перевода (ТП), притом что в этом тексте не было единиц, репрезентирующих значение составных частей данной единицы, если они у нее были [Минченков, 2008, с. 162]. Тем самым, согласно Ж. Вине и Ж. Дарбельне, единица перевода представляла собой формальную единицу ИТ, выделяемую относительно некоей формальной единицы ТП, т. е. это могла быть только такая единица, которая была реально переведена.

Данное определение во многом сходно с тем, как понятие ЕП трактовал Л.С. Бархударов. С его точки зрения, под единицей перевода «мы имеем в виду такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте ИЯ, которая имеет соответствие в тексте ЯП; она может обладать сложным строением, т.е. состоять из ещё меньших единиц ИЯ, но части её, по отдельности взятые, непереводимы, т.е. в тексте перевода им никакого соответствия установить нельзя, даже если в ИЯ они обладают своим собственным, относительно самостоятельным значением» [Бархударов, 1975, с. 175].

Взгляд Л.С. Бархударова на понятие ЕП не является общепризнанным и неоднократно подвергался критике, однако несомненно, что в трактовке Л.С. Бархударова определенно присутствует

рациональное зерно. И потому кажется важным несколько подробнее рассмотреть точку зрения этого лингвиста, а также аргументы против неё. Так, например, Е.А. Васильева, отмечает, что определение ЕП, предложенное Л.С. Бархударовым, по своей сути мало чем отличается от определения фразеологической единицы [Васильева, 2007, с. 52]. Замечание это, в целом, весьма верное, так как идиоматическое выражение – это также некое единство, значение которого не выводится из суммы значений входящих в него элементов (в рамках нашей работы представляется нецелесообразным упоминать о том, что фразеологические единицы традиционно делятся на сращения и проч.). Однако схожесть этих двух понятий едва ли вскрывает некую ошибочность в определении Л.С. Бархударова. Практика перевода наглядно демонстрирует, что зачастую предложения, которые не являются идиоматическими, переводят, если можно так выразиться, конвенционально. И мы также знаем, что значения многих слов (и соответственно их перевод) могут сильно меняться в зависимости от лексического или синтаксического контекста. Хрестоматийный пример тому – английское *Keep off the grass* или *The terrestrial globe is a member of the solar system*, где *is a member*, очевидно, нельзя перевести, как *является членом*.

С другой стороны, Е.А. Васильева утверждает, что не совсем правомерно говорить о том, что единицы исходного текста по отдельности взятые, непереводаемы. Исследователь демонстрирует свою точку зрения на примере предложения *A girl entered the room*. По её убеждению, каждое слово этого предложения, за исключением артиклей, можно перевести на русский язык: *девушка, вошла, комната*. Это верно. Однако возникают сомнения, в том, можно ли подобный род деятельности называть переводом. Ведь, как известно, перевод – это процесс преобразования речевого произведения (текста) на одном языке в речевое произведение на

другом языке при сохранении неизменного *плана содержания* (выделено автором) [Бархударов, 1975, с. 174]. То есть смысл высказывания, а также интенция автора должны быть сохранены.

Другим, как может показаться, более существенным аргументом против концепции Л.С. Бархударова является утверждение А.Д. Швейцера о том, что любая единица должна представлять собой величину постоянную, в то время как у Л. С. Бархударова единица перевода – величина переменная и принадлежащая к разным уровням языка [Швейцер, 1973, с 71-72]. И здесь, вероятно, действительно вскрывается существенное противоречие в определении ЕП, которое предложил Л.С. Бархударов. Дело в том, что из приведённого выше определения процесса перевода чётко можно выделить, что, во-первых, переводчик в ходе своей работы имеет дело с речью (не с языком) и также, что главным в этой работе для него является сохранение содержания этой речи, то есть её смысла. И в этом отношении, не совсем ясным становится то, почему Л.С. Бархударов принимает в качестве единиц перевода единицы языковые. Ведь совершенно очевидно, что язык и речь – не одно и то же. Язык – это некая система, а речь – это реализация возможностей этой системы, реализация уникальная, характер, которой определяется, во-первых, возможностями этой системы, а во-вторых, волей и разумом говорящего индивида. В связи с этим можно сделать предположение, что единицей перевода, вероятно, разумнее было бы назвать единицу смысла. Конечно, подобное определение едва ли может претендовать на наибольшую точность, большую объяснительную силу или хотя бы на некоторую новизну. Ведь даже упомянутые уже Ж. Вине и Ж. Дарбельне, которые собственно и предложили термин единица перевода в своём фундаментальном труде 1958 года, отождествляли её с единицей мысли. Впрочем, о полной преемственности, здесь говорить не приходится в

виду того, что названные французские исследователи вносили в это тождество также и третий элемент – лексическую единицу, считая, видимо, что смысл заключен преимущественно в семантике слова, что представляется довольно дискуссионным.

Определение ЕП, как единицы смысла, вероятно, не в полной мере удовлетворяет и требованиям А.Д. Швейцера о том, что единица должна представлять собой величину постоянную. Однако оно вполне соответствует представлениям Л.С. Бархударова о том, что ЕП может принимать вид языковой единицы любого уровня: от фонемы/графемы и до целого текста. И более того, при всём уважении к А.Д. Швейцеру, перевод – это не математика. В языке и, тем более, в речи далеко не всё укладывается в законы логики, ни одно слово или точнее ни один языковой знак – не является единицей, в смысле «постоянная величина». Слова – словно, пучки смыслов, из которых говорящий (в процессе речи) может выбрать любой или даже внести свой, причём, как правило, второй вариант индивид выбирает чаще. И потому целесообразнее и ближе к реальной практике перевода, будет говорить о ЕП не как о том, что нужно найти в исходном тексте, чтобы затем перевести, а как о том, что «должно выявляться именно в процессе перевода» [Комиссаров, 1973 с. 186]. То есть ЕП – это единица операционная. Схожую мысль выражала, например, исследовательница О. И. Бродович. По её мнению, ЕП – это «минимальная единица относительно автономного смысла, на уровне которой происходит первоначальное считывание переводчиком информации, содержащейся в ИТ» [Бродович, 2000, с. 14]. Трудно не согласиться с вышеприведенным мнением – по сей видимости, ЕП действительно не имеет в тексте каких-либо чётких границ. И потому, величина отрезка исходного текста, которая может приниматься как ЕП, способна изменяться в зависимости от различных причин, например, от функционально-стилистических

особенностей текста, или, например, от пары языков, участвующих в переводе (такого мнения придерживались, в частности, И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг) и д.р. Но в первую очередь, величина этого отрезка зависит от интенции автора текста, того какие языковые знаки он решил использовать, чтобы донести свою мысль. А поскольку автор может вложить эту мысль в знак любого языкового уровня, мы приходим к неутешительному выводу, что жёстко формализовать ЕП не представляется возможным.

В общем, представляется разумным утверждать, что в процессе перевода необходимо определить ту информацию, которая заключена автором в языковой знак, осмыслить её и приложить усилия к тому, чтобы интерпретировать эту информацию на языке перевода. Единицей перевода (единицей смысла) при этом может оказаться любой языковой знак. В этой связи можно привести слова уже упомянутой О.И. Бродович о том, что единицей перевода «в большинстве случаев избирается слово. При этом существуют контексты, где единица перевода непременно должна быть либо меньше слова, либо больше его. В частности, если каждая из составляющих слово морфем вносит свой отдельный вклад в семантику слова, то каждая из них подлежит отдельному акту перевода. С другой стороны, когда значение словосочетания или предложения идиоматично относительно семантики составляющих его слов, указанные единицы подлежат переводу как нечто неделимое, т. е. как единица перевода» [Бродович, 2000, с. 14]. Данное высказывание представляется весьма точно сформулированным и верным, так как, во-первых, практика перевода и речевая практика вообще показывает, что порою морфемы (а в некоторых экзотичных случаях и фонемы) вполне могут быть использованы для выражения некоего значения. А во-вторых, нельзя забывать также, что «слово реализует своё конкретное значение лишь во взаимосвязи с

другими словами – в рамках словосочетания или предложения» [Нуриев, 2008, с. 267]. Впрочем, представляется важным сделать ещё несколько уточнений.

В ходе нашего рассуждения мы преимущественно уделяли внимание различным языковым знакам, утверждая, что языковые единицы любого уровня могут быть использованы для выражения некоего смысла. Это утверждение, как нам кажется, является вполне верным и небезосновательным. Однако мы едва не упустили из виду тот факт, что зачастую индивиды выражают нужную им информацию не самими языковыми знаками, а тем, как они эти языковые знаки используют, т.е. путём создания различных стилистических эффектов, применением средств художественной выразительности и т.п. И таким образом, порой содержание, которое переводчику требуется передать на ЯП, может заключаться даже не в каких-то конкретных единицах языка, а в том, что, вероятно, можно определить как, речевое высказывание (с учётом того, что под высказыванием здесь не стоит понимать ни предложение, ни текст). Эту мысль выражал также исследователь Н.Л. Шадрин, по мнению которого, «деление текста на единицы перевода производится по степени важности семантической или стилистической информации, содержащейся в отдельных элементах ИТ. Единица перевода, по его мнению, – это всякий элемент ИТ, который обладает собственной семантико-стилистической значимостью. Ею может стать не только любой языковой элемент независимо от его отношения к лингвистическим уровням, но и такой элемент ИТ, который вообще не относится к уровням языковой иерархии» [Минченков, 2008, с. 164]. Исследователь также подчеркивает, что единица перевода выявляется в ИТ «безотносительно к тому, обнаруживается или не обнаруживается ее соответствие в тексте перевода» [Шадрин, 1991, с. 24], что, кстати, вполне соответствует также и концепции Л.С.

Бархударова, как можно заметить.

Ещё более радикальный подход к этому вопросу предложила Л.А. Черниховская, которая отказывается принимать за ЕП не только какую бы ни было единицу языка, но также и фрагменты исходного текста. Взяв в качестве примера переводы стихотворения Э. По «Ворон», исследователь анализирует разные варианты перевода словосочетания *never more*, выполняющего в английском тексте звукоподражательную функцию путем имитации крика ворона. Один переводчик перевел его путем транслитерации как «невермор», а другой сохранил и смысловую, и звукоподражательную функции, предложив вариант «не вернуть». Комментируя эти переводы, Л. А. Черниховская пишет, в частности, что единицей перевода в данном случае была не фонема или конкретное слово, а определенные смысловые функции всего сочетания [Черниховская, 1987, с. 27]. Соответственно, единицей или, как говорит автор, объектом перевода следует признать не те или иные знаки языка, а качественно разнообразную эксплицитную и имплицитную информацию исходного текста [там же, с. 28]. Выделение в тексте качественно разнообразных составляющих этой информации, «независимо от того, фонемой или абзацем они представлены, и даст нам пресловутые единицы перевода» [там же, с. 29]. Анализируя точку зрения Л. А. Черниховской, В. В. Сдобников критикует ее за то, что она не предлагает четких критериев выделения «сегментов информации в тексте оригинала» [Сдобников, 2006, с. 285]. И в качестве альтернативы он предлагает считать единицей перевода весь текст, на том основании, что «определение элементов содержания оригинала, квантов или сегментов информации... осуществляется на основе знания переводчиком всего текста оригинала» [там же, с. 285]. В целом, если можно так выразиться, холизм В.В. Сдобникова вполне обоснован: познание целого действительно должно

предшествовать познанию его частей. Так как очевидно, что для выделения смысловых отрезков текста, переводчику необходимо этот текст хорошо знать. Однако это утверждение указывает нам скорее на чрезвычайную важность предпереводческого анализа, и более того, определение всего текста, как ЕП также не слишком способствует формулированию чётких критериев выделения сегментов информации в тексте оригинала.

Какой вывод мы можем вывести из всего вышесказанного? Что же есть единица перевода? Как она соотносится с единицами языка, фрагментами текста (а точнее текстов ИЯ и ЯП)? И на что ориентироваться переводчику? По мнению автора (и в этом мнении он не одинок), переводчику следует переводить смысл речевого высказывания. Смысл этот может быть заключён автором ИТ в языковые единицы любого уровня (пример, приведённый Л. А. Черниковской, демонстрирует, что даже фонемы могут иметь некое содержание). Однако он также может быть выражен и как разного рода информация, содержащаяся в тексте и не имеющая жёсткой привязки к какой-то конкретной языковой единице. Можно сделать предположение, что это связано с тем, что значение языковых единиц редко сводится к простой референции. Этот тезис можно проиллюстрировать, например, тем, что И.С. Алексеева выделяла четыре вида содержания: денотативное, сигнификативное (связанное с культурными коннотациями), интерпретивное (с индивидуальной интерпретацией) и внутриязыковое [Алексеева, 2006, с. 136-137]. Но, в общем, проанализировав различные точки зрения, можно придти к выводу, или скорее ещё раз убедиться, что перевод – это процесс интерпретации значения высказывания, выраженного средствами одного языка, средствами другого языка. Единицей перевода является, следовательно, это значение, которое, в зависимости от воли автора текста, может быть

заключено либо в языковые единицы (любого уровня), либо в определённые фрагменты этого текста, либо даже в надтекстуальные особенности речевого высказывания (например, контекст коммуникации, или в случае с устной речью это также могут быть различные просодические, проксемические, кинесические особенности и т.п.). Единица перевода при этом вполне очевидно может (а возможно даже должна) обладать сложной структурой, однако сумма значений входящих в неё элементов не будет равна значению самой единицы. В общем, ничего кардинально нового изобретено не было. Разве что концепция Л.С. Бархударова была несколько расширена указанием на то, что ЕП могут быть не только единицы языка. И в целом, кажутся несколько неудовлетворительными те концепции, где единицей перевода признаётся та или иная формальная единица. В остальном, однако, определение, предложенное автором данной работы, вполне согласуется с мнением других исследователей, например, Д.А. Жукова, который в своей книге «Мы – переводчики» упоминает единицу смысла, которая служит ориентиром переводчику [Жуков, 1975]. А также не противоречит идеям, например, Л.К. Латышева, который утверждает, что «В процессе перевода переводчик (в наиболее типичном случае) делит исходный текст на определённые смысловые отрезки, которые он последовательно переводит на переводящий язык» [Латышев, 1981, с. 168].

Вопрос о том, возможно ли достижение эквивалентности в том случае, если перевод обозначается как процесс интерпретации, а в качестве ЕП признаётся смысл высказывания, приходится оставлять за рамками данного исследования, так как этот вопрос требует отдельного и самостоятельного рассмотрения. Однако в качестве краткого комментария по этому вопросу можно привести следующее высказывание: «... смысл на самом деле формируется в сознании переводчика-интерпретатора при

восприятию текста и в формировании этого смысла учувствуют не только текст, но и разнообразные знания переводчика. Смысл, таким образом, представляет собой не постоянное и статичное свойство слова или текста, а динамическую ментальную сущность, формируемую в сознании переводчика в процессе его интерпретационной деятельности» [Минченков, 2007, с. 77-78]. Потому, вероятно, переводчику практически невозможно перевести смысл ИТ в полной мере (ведь порой люди, даже говорящие на одном языке, не могут понять смысл слов друг друга), однако стремиться к недостигаемому идеалу переводчикам никто не запрещает. Впрочем, никто от них этого и не требует, достаточно того, чтобы коммуникативный акт успешно состоялся. Достичь этого можно различными путями, однако если переводчик разделяет взгляды на перевод автора данной работы, его путь будет выглядеть приблизительно следующим образом:

- 1) прочитав и поняв текст, определить содержащийся в нём вид информации и какими средствами эта информация выражается;
- 2) выделить фрагменты текста, имеющие содержание и несущие определённый смысл;
- 3) извлечь из этих фрагментов максимально возможное количество информации;
- 4) подобрать средства переводящего языка, наиболее подходящие для выражения этой информации [Белякова, 2009, с. 37].

Впрочем, на данном этапе это лишь предположительная последовательность переводческих действий, которую ещё необходимо апробировать на практике.

Выводы по главе 1

В соответствии с поставленными перед началом работы задачами, в теоретической части были рассмотрены значения терминов «мотивированность» и «внутренняя форма слова». В результате этого рассмотрения было выяснено, что эти термины связаны между собой отношениями включения, т.е. мотивированность была определена как структурно-семантическое свойство слова, а внутренняя форма как его морфосемантическая структура. Причём оба эти явления помогают говорящему установить рациональную связь между звучанием и значением слова.

Далее было разобрано то, какое место понятие «мотивированности» занимает в трудах одного из основоположников современного языкознания, швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, а также то, как это понятие соотносится с его представлениями о произвольности и непроизвольности языкового знака. В итоге был сделан вывод о том, что изначальная случайность связи между означаемым и означающим, с одной стороны, и социальная природа языка, с другой, приводят к тому, что язык и составляющие его языковые знаки не могут быть как абсолютно произвольными, так и полностью рационализированы. Однако зачастую два этих свойства приводят к тому, что языковой знак может быть относительно мотивирован, в большей или меньшей степени.

С точки зрения переводоведения, в теоретической части данной работы было проанализировано то, как мотивированность единицы языка соотносится с мотивированностью единицы перевода. А также то, как мотивированность речи и мотивированность в широком смысле слова могут влиять на процесс перевода. В итоге мы пришли к выводу о том, что так как «речь это индивидуальный акт воли и разума», мотивированна в ней может быть любая её часть. Мотивированна, то есть, использована с

какой-то целью, и иметь какой-то определённый вложенный автором смысл. Разгадать этот смысл, выяснить, в чём он заключён, какими средствами выражен, а затем передать всё это наиболее адекватным способом, как раз и составляет задачу переводчика.

Рассмотрение перечисленных выше вопросов позволило автору углубить его теоретические познания о природе лексической мотивированности, а также свойствах мотивированной лексики, что, в свою очередь, должно помочь ему правильно оценить адекватность описания этих феноменов в словарях, а также, если в этом описании вскроются какие-либо недочёты, сформулировать несколько предложений как эти недочёты было бы разумнее устранить.

Глава 2. ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ МОТИВИРОВАННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРАКТИКЕ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

2.1 Описание лексической мотивированности в англо-русских словарях

По мнению практикующего лексикографа, а также автора нескольких учебных пособий по лексикографии, В.В. Дубичинского, «невозможно стать лексикографом без трепетного, поэтического отношения к слову» [Дубичинский, 2008, с. 8]. Автор разделяет это мнение и потому предполагает, что в ходе своей работы лексикографы не могли не заметить такое явление, как мотивированность слова. В повседневном общении, в устной и письменной речи это явление порою бросается в глаза, и потому представляется вполне закономерной ситуация, когда при составлении словарей лексикографы некоторым образом отражают значимость (или хотя бы наличие) этого феномена в языке. Тем более что, по мнению самих составителей словарей «Продукция лексикографа нужна не только для обеспечения практических нужд носителей языка и даже не только как часть полного теоретического описания языка, но и как основа для всего здания теоретической лингвистики» [Апресян, 1995, с. 117].

В качестве материала для исследования были выбраны Большой Англо-Русский Словарь И.Р. Гальперина в двух томах 1979 года, а также Новый Англо-Русский Словарь В.К. Мюллера 2002 года. Словники двух этих работ составляют: около 150 и 160 тыс. слов и словосочетаний соответственно. В дополнение к двум этим изданиям в качестве объекта изучения был взят двухтомный «Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа» А.С. Хорнби переизданный в

СССР в 1982 году (оригинал был выпущен издательством «Оксфорд Юниверсити Пресс» в 1980 году). Словник этого словаря составляет 50 тыс. слов. Названные словари были выбраны, в виду их широкого распространения и популярности, а также по причине того авторитета, которым пользуются их авторы. То, что эти словари являются качественными и удобными для использования, является, на самом деле чрезвычайно важным, так как это позволяет сконцентрироваться на том, как в них представлено явление мотивированности, не отвлекаясь, при этом, на оценку других их свойств и особенностей. Словарь И.Р. Гальперина предлагает довольно большой объём профессионально представленного материала, а словарь В.К. Мюллера в свою очередь, имеет то преимущество, что был выпущен почти на четверть века позднее и потому предлагаемая им информация об английском языке является несколько более актуальной. Что касается словаря А.С. Хорнби, то сравнение подходов к описанию языка в России и за рубежом может оказаться весьма интересным и продуктивным в рамках данного исследования. Также важно обратить внимание, что этот словарь является именно толковым, а не переводным и потому можно предполагать, что в нём удастся обнаружить большой объём информации по интересующей нас теме. Впрочем, по всей видимости, в выбранных словарях едва ли удастся обнаружить по-настоящему серьёзный и детальный разбор явления мотивированности слов. Как пишет И.Р. Гальперин во введении к своему словарю, «Задачей «Большого англо-русского словаря» является достаточно подробное описание современного состояния словарного состава английского языка» [Гальперин, 1979, т. 1, с. 10], из чего можно заключить, что цель описывать в своём словаре явление мотивированности И.Р. Гальперин перед собой не ставил. Но в виду того, что феномен мотивированности является всё-таки очень «ярким», не стоит сомневаться,

что тем или иным образом этот феномен повлиял на практику лексикографирования и что это влияние нам удастся обнаружить.

В ходе работы изучалось и сравнивалось то, как в перечисленных ранее словарях описываются мотивированные различными способами слова. Общие принципы построения словарных статей, применённые лексикографами, детально, при этом, не изучались, они рассматривались лишь в той мере, насколько это влияло на описание внутренней формы мотивированного слова.

К числу мотивированных слова могут относиться по разным причинам. Наиболее распространёнными являются случаи, когда слово представляет собой дериватив, образованный путём добавления одно или нескольких словообразовательных аффиксов. Причём новое мотивированное слово может как сохранить, так и изменить свою часть речи (*adj. usual – adj. un+usual – ad. unusual+ly, n. beauty – adj. beauti+ful*). Указанный способ образования мотивированных слов и словообразования вообще является очень продуктивным, причём это утверждение справедливо даже для такого «высокоаналитического» языка, как английский. В качестве примера того, как описывались слова мотивированные словообразовательными аффиксами возьмём словарные статьи к лексеме *baker*. Словарь В.К.Мюллера предлагает максимально компактное словарное описание данного слова – в нём представлены заглавное слово, транскрипция, часть речи и эквивалент на русском языке [Мюллер, 2002, с. 48]. Значительно более широкое толкование этого же слова даёт словарь И.Р.Гальперина. В словарной статье *baker* даётся указание на основное прямое значение этого слова, региональное значение, переносное, а также несколько устойчивых словосочетаний и идиом [И.Р. Гальперин, 1979, т. 1, с. 125]. Причём важно отметить, что для объяснения первого, а, следовательно, главного и наиболее часто употребляемого

значения даётся не прямой эквивалент, а ссылка на родовое слово *bake* (в его втором, по мнению И.Р. Гальперина, глагольном значении), а также на значение суффикса *-er* также во втором значении (всего коллектив авторов словаря различает у этого суффикса 4 значения). Если пройти по тем ссылкам, которые предлагает словарь, то можно составить достаточно ясное и полное представление о значении слова *baker*: *bake* – печь, выпекать [Гальперин, 1979, т. 1, с. 125]; *-er*²— суффикс, который образует от глагольных основ существительные, обозначающие лицо, деятеля по его профессии или занятию *singer* – певец [Гальперин, 1979, т. 1, с.457]. В общем, необходимо отметить, что в данном случае авторам словаря отлично удалось выполнить предъявляемое к современным словарям требование – предоставить максимум информации на минимуме места. И что ещё более важно в рамках данного исследования, факт мотивированности указанного слова представлен весьма наглядно и информативно. Что же касается словаря В.К. Мюллера, то в отношении демонстрации мотивированности данного слова, информации, по сути, нет никакой. Более того, отсутствует словарная статья для морфемы *-er*, что несколько удивляет, учитывая то, что словарные статьи многих других словообразовательных морфем в словарь включены (например, *in-*, *-witted*).

Впрочем, в словаре А.С. Хорнби отдельная статья для слова *baker* в принципе отсутствует. Вместо неё существует статья для глагола *bake*, и в рамках её абзаца можно обнаружить выделенное жирным шрифтом слово *baker* – *n person who ~s bread* [Хорнби, 1982, т. 1, с. 58]. С точки зрения демонстрации мотивированности данного слова, решение представляется вполне приемлемым, тем более, что в приложении к этому словарю можно обнаружить краткий список всех наиболее продуктивных формо- и словообразовательных морфем английского языка с указанием их

значений. На описании этого списка хотелось бы остановиться отдельно. В него входит всего около 200 аффиксов, способных модифицировать лексическое или грамматическое значение слова (*-ing, -ed, semi-, astr(o), -dom* и т.д.), а также различные формы одного и того же аффикса (например статьи аффиксов *-ie, -ier, -ies* отсылают пользователя к аффиксу *-у*, формами которого они являются). Список, очевидно, не претендует на то, чтобы отразить всё богатство словообразовательных аффиксов английского языка (например, отсутствуют статьи для таких морфем, как *-manship* или *zoo-*), также как он не стремится, подробно раскрывать все оттенки значений у этих морфем (у ранее упомянутой морфемы *-er* в этом словаре указывается только два значения). Однако само наличие подобного списка, несомненно, является существенным преимуществом словаря. В отечественных же изданиях похожего списка нет, наиболее частотные аффиксы даются в словнике в соответствии с алфавитным порядком.

Несмотря на то, что ранее было высказано намерение не рассматривать непосредственно лексикографические особенности данных словарей, стоит отметить, что решение английских лексикографов является более удобным для пользователя. В словнике словаря А.С. Хорнби также можно найти статьи формо- и словообразовательных аффиксов, однако они лишь отсылают пользователя к приложению словаря. Это представляется действительно очень взвешенным решением, впрочем, необходимо заметить, что указанный принцип не был использован А.С. Хорнби с полной последовательностью: некоторые морфемы, которые есть в приложении, в словнике словаря отсутствуют (например, *micro-*). Отечественные же словари, в свою очередь, несколько компенсируют отсутствие подобного списка количеством описываемых аффиксов, а словарь И.Р. Гальперина ещё и объёмом и качеством этого

описания. То есть можно сделать небольшой вывод о том, что совместив предлагаемый отечественными словарями объём материала с западным методом его подачи, можно добиться значительно большего удобства (что косвенно может помочь пользователю составить представление о мотивированности слова). Это связано с тем, что как было продемонстрировано ранее, при описании деривативов словарь И.Р. Гальперина активно использует ссылки на словарные статьи других слов и морфем. Возвращаясь к анализу словарной статьи слова *baker*, хотелось бы отметить следующую особенность. Словарь И.Р. Гальперина, выделяет у этого слова несколько значений, одно из которых: *искусственная муха (для рыбной ловли)* [Гальперин, 1979, т. 1, с. 126]. Это значение является несколько необычным, так как очевидную связь между ним и остальными значениями данного слова установить трудно. Его источник остаётся неясным для пользователя и единственный вывод, который он может сделать, заключается лишь в том, что это именно одно из значений данного слова, а не случай полной омонимии. В общем, наличие этого значения лишь констатируется, однако каким образом оно мотивированно в словаре не указано. Что касается других исследуемых словарей, то в них это значение не упоминается в принципе. Также хотелось бы обратить внимание и на идиоматическое выражение *baker's dozen*, на которое также во всех трёх словарях лишь указывается и даётся его эквивалент (*чёртова дюжина* – в отечественных словарях, *thirteen* – в иностранном), источник этого выражения или его происхождение не указаны. Отсутствие подобных справок трудно причислить к существенным недостаткам этих словарей, так как перед их составителями стояла цель лишь кратко пояснить значение этих идиом, а не давать их полное описание (для этого существуют словари фразеологизмов). Однако возникает чувство некоторой неуверенности в том, что переведя идиому английской

лингвокультуры идиомой русской лингвокультуры, отечественные лексикографы поступили абсолютно правильно. Ведь совсем не исключено, что увидев подобный перевод этой идиомы, русскоговорящий пользователь словаря предположит, что столкнувшись с дюжиной, пекарь из *baker's dozen* мистическим образом превращается в черта (в то время как в английском сознании он остаётся тем же пекарем, а метаморфозы, если и происходят с кем-то, то скорее с дюжиной). Впрочем, несомненно, что составители словарей В.К. Мюллера и И.Р. Гальперина хорошо обдумали своё решение и могли бы его обосновать. Для нас же важно, что хотя пользователь словаря и может увидеть, *какие* слова составляют идиому, *почему* они её составляют, остаётся для него неясным (или даже несколько дополнительно затуманенным), то есть об описании мотивированности в данном случае речи не идёт.

Помимо тех случаев, когда слово причисляется к мотивированным, в виду наличия у него какого-либо из словообразовательных аффиксов, также существует довольно большое количество сложносоставных мотивированных слов. В качестве примера подобного сложного слова возьмём фитоним *honeysuckle* (жимолость). Словарь В.К. Мюллера вновь предлагает этому слову весьма краткое описание [Мюллер, 2002, с. 345], т.е. транскрипцию, часть речи, перевод, а также стилистическую помету – указывает, что это слово относится к терминам ботаники. Словарь И.Р. Гальперина дополняет этот минимум информации указанием официального латинского наименования этого вида. Словарь А.С. Хорнби не даёт стилистических помет и латинского наименования, а просто описывает внешний вид этого растения. Также в отличие от отечественных словарей, А.С. Хорнби указывает на то, что в разговорном стиле это слово может использоваться во множественном числе (в прямом значении это неисчисляемое существительное) со значением *sweetheart, darling* и также

даётся пример его употребления: *Come here my ~s, eg a mother to her children* [Хорнби, 1982, т. 1, с. 410]. Необходимо отметить, что как и в случае со словом *baker* отдельной словарной статьи для *honeysuckle* в словаре А.С. Хорнби нет, оно является частью словарного гнезда слова *honey*. В результате пользователь словаря может сделать вывод, что слово является сложносоставным, однако непосредственного указания на его мотивированность в словаре нет. В общем, приходится констатировать, что ни в одном из исследуемых словарей какого-либо указания на мотивированность этого слова не даётся.

Словарная пара *honeysuckle* – жимолость являет собой случай, когда слово немотивированное в одном языке имеет мотивированный эквивалент в другом. Помимо этого нередки случаи, когда оба эквивалента являются мотивированными, однако по различным признакам. Хрестоматийным пример подобного явления является пара зоонимов *bullfinch* – снегирь. В исследуемых словарях метод описания данной пары эквивалентов мало чем отличается от предыдущей. Единственная особенность заключается в том, что словарь В.К. Мюллера выделяет у слова *bullfinch* два значения, (снегирь и густая живая изгородь со рвом), а составители словаря И.Р. Гальперина считают, что это два значения двух разных слов, то есть, по их мнению, здесь мы видим пример полной омонимии. В словаре А.С. Хорнби это второе значение не упомянуто. Также необходимо отметить, что как и в случае с *honeysuckle* никакого указания на то, что *bullfinch* – сложное мотивированное слово в отечественных словарях не даётся.

В рамках нашего анализа хотелось бы рассмотреть несколько слов, мотивированных связью с реальными людьми или вымышленными персонажами. В качестве примера можно взять прилагательное *Judas-coloured*. В словарях В.К. Мюллера и И.Р. Гальперина оно описывается одинаково: транскрипция, часть речи, перевод. Упоминаний о

новозаветном Иуде или об основе *-coloured* как средстве словообразования в словарях нет. То есть то, что это слово мотивированно не указывается, и если пользователь обратит на эту мотивированность внимание, искать её источник он должен будет сам. В словаре А.С. Хорнби есть статья для *Judas*, но разбираемого автором прилагательного нет. Следует отметить, в исследуемых нами словарях буква *J* изобилует именами собственными, помимо *Judas* здесь можно встретить *Job, Jonah, Jove, John Bull* и др. Но особое внимание хотелось бы обратить на прилагательное – *Johnsonian, Johnsonese*. Оно также является мотивированным, однако то, как оно описано сильно отличается от того, что мы наблюдали в случае с *Judas-coloured*. Здесь также даётся транскрипция, части речи, перевод. Однако в отличии от *Judas-coloured*, в описании значения этого слова такой же лапидарности не наблюдается: *книжный напыщенный стиль, изобилующий латинизмами (как у писателя XVIII в. Сэмюэля Джонсона)* [Мюллер, 2002, с. 391]. Определение звучит одинаково как в словаре И.Р. Гальперина, так и в словаре В.К. Мюллера. То есть в этом конкретном случае можно сказать, что указание на мотивированность этого слова практически дано, не достаёт лишь ссылки на словообразующие морфемы *-ian, -ese*. Однако, по мнению автора, подобное решение составителей этих словарей является несколько непоследовательным. Было не трудно понять, почему в случае с *Judas-coloured* они ограничились предельно кратким описанием: оно было точным и экономичным, а цели предоставить пользователю какую-либо лингвокультурологическую информацию у авторов словарей нет. В общем, следует сказать, что словарное описание *Johnsonian, Johnsonese* является ярким, но далеко не единственным исключением из общего правила, оставаться предельно сухим и сжатым в описании внеязыковых реалий. Не совсем ясно, почему *johnboat* просто переведено, как *джонка*, а *John Barleycorn* даётся с уточнением *олицетворение пива и других спиртных и*

солодовых напитков [Гальперин, 1979, т.1, с. 751], почему про *Johaness* сказано, что это *старинная португальская золотая монета* [Гальперин, 1979, т.1, с. 750], а про *pilau*, что это просто *пилáв, плов* [Гальперин, 1979, т. 2, с. 208]. Этими замечаниями мы вовсе не стремимся раскритиковать или принизить качество работы, проделанной составителями словарей, наоборот этим лишь подчеркивается то, насколько непросто труд лексикографа; как писал Л.В. Щерба «словарная работа требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию» [Щерба, 1958, с. 76]. Однако факт остаётся фактом, в том, что касается слов мотивированных связью с именами реальных людей или вымышленных персонажей, какой-то строгой закономерности не обнаруживается. Разве что наличие у них словообразовательных аффиксов, как правило, никак не подчёркивается (например, в словах *Shakespear-ian, Jouce-an*). Что касается словаря А.С. Хорнби, для слов мотивированных подобным образом даётся толкование очень похожее на то, что можно найти в отечественных словарях. Но важно упомянуть, что в словаре А.С. Хорнби большинство слов разделены на слоги, например: *Shake-spear-ian*. И хотя слоговое деление, строго говоря, может и не совпадать с делением на морфемы, использованный в словаре А.С. Хорнби метод описания может помочь пользователю увидеть, из каких основ сложное слово состоит и, следовательно, как оно мотивированно (а в выше приведенном примере ещё и невольно вызывает ассоциации с «сотрясающей копьём» Афиной Палладой, но это вопрос из другой области).

В предыдущем абзаце рассматривались имена нарицательные, мотивированные их связью с именами собственными. Теперь же представляется справедливым рассмотреть обратный вариант: когда имена

собственные мотивируются именами нарицательными. Такие случаи, конечно, не слишком часты, однако тоже имеют место быть. В качестве примера возьмём лексему *sakewalk*. Словари В.К. Мюллера и И.Р. Гальперина вновь дают предельно сжатое (и абсолютно одинаковое) описание этого слова: *кеку́ок (танец)* [Мюллер, 2002, с. 95]. Как видим, это слово был перенесено в наш язык путём транскрипции. Составители словарей указывают пользователю, что кекуок это танец, но о том, что в английском языке это сложное мотивированное слово, составленное из двух корней, не упоминают. В словаре А.С. Хорнби, данная лексема не упоминается.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что проведённое исследование, конечно, отнюдь не претендует на всеобъемлющий анализ выбранных словарей. Однако собранных фактов вполне хватает, чтобы сделать определённые выводы по интересующей нас теме. Как и предполагалось, в выбранных словарях явлению мотивированности особого внимания не уделяется. Словари не акцентируют внимание пользователя на тех корнях, из которых составлены сложные мотивированные слова. Также была обнаружена некоторая непоследовательность в описании слов, образованных от имён собственных. Если слово приобрело новое значение в результате метафорического переноса, в выбранных нами словарях это никак не подчёркивается. Однако следует отметить, что в словаре И.Р. Гальперина применён весьма интересный метод описания производных слов через ссылки на родовое слово и словообразовательную морфему (метод был описан на примере лексемы *baker*). Этот подход кажется весьма интересным и эффективным с точки зрения описания мотивированности. Также было выдвинуто предположение, что, если совместить этот метод с идеей А.С. Хорнби давать в качестве приложения к словарю список словообразовательных аффиксов, можно сделать словарь

более удобным. Напоследок хотелось бы отметить, что тот факт, что явление мотивированности в исследованных словарях особым образом не освящается, вовсе не говорит о низком качестве этих словарей. Это лишь напоминает нам о том, что все словари создаются с ориентацией на интересы их потенциальных потребителей. И очевидно, что потребители этих словарей в изучении явления мотивированности слова не заинтересованы. Логичным выводом в данной ситуации является то, что если число людей занятых вопросами мотивированной лексики достаточно велико, значит, назрела потребность составить для них отдельный словарь.

2.2. Описание мотивированности слов в латинско-русских словарях

Classicus в переводе с латыни значит, как известно, *образцовый* и *первоклассный*. Такое определение вполне может подойти для разного рода публичных заведений, например, ресторана или университета, продукции, вроде лекарств или транспортных средств, специалист может быть первоклассным, наконец, среди граждан одного государства, как показывает история, могут выделяться *первоклассные*. Подобного рода различение и выделение на общем фоне не является, в общем-то, чем-то неправильным или необычным: мы вполне можем выделить некую группу однородных объектов, определить присущие этим объектам свойства и качества, а затем оценить, какие из этих объектов обладают этими качествами в большей или меньшей степени. По такому принципу построена, например, оценка знаний учащихся, т.е. можно сказать, что студент, получивший на экзамене пять, это, в некотором смысле, первоклассный студент. Однако возникает вопрос о том, насколько такое разделение на классы применимо к языкам. Разве не являются языки

равными между собой в своей уникальности, и разве существуют какие-либо критерии и основания, согласно которым, можно утверждать, что, один язык лучше другого. Это представляется весьма сомнительным – сравнивая свойства языков в качественном и количественном отношениях, мы не утверждаем превосходство одного над другим. Подобные утверждения, если бы они существовали, вероятно, не имели бы важного научно-практического значения и несли бы весьма субъективный характер (если бы мы сравнивали, например, безпадежный французский язык и язык табасаранский с 52-мя падежами, нам было бы довольно трудно ответить, какой из этих языков совершенней другого). Однако классические, т.е. образцовые языки всё-таки выделяются – это древнегреческий и латынь. Является ли это результатом традиции, или же они действительно имеют право так называться – вопрос спорный. Но бесспорно при этом то, что как вся современная западная цивилизация находит своё основание в культуре Древней Греции и Рима, так и современные европейские языки обнаруживают свои корни в древнегреческом и латинском языках. Причём обнаруживаются не, только корни, но также и аффиксы (*anti-*, *extra-*, *semi-*, *-phagous*). Влияние классических языков, на современные, также велико, как и влияние античной культуры на современную цивилизацию. Словно тонкая прозрачная нить они проникают в лексику европейских языков, образуя между ними неразрывную связь. Порой эти нити и это влияние видны невооруженным взглядом (например, в словах *spectrum*, *phenomenon*), а порой человек может и не догадываться, что он пользуется словом, позаимствованным у языков Древней Греции и Рима (например, английские *cheese*, *school* и т.д.). Важно также отметить, что эта связь с классическими языками характеризует не только языки западной Европы, но также и восточной, в частности, русский, который по меткому сравнению А.С. Пушкина был словно «усыновлен греческим». Однако

можно ли на основании неоспоримого влияния классических языков утверждать об их превосходстве над остальными европейскими языками? – И да, и нет. Очевидно, что в семье европейских языков классические языки являются, в некотором смысле, старшими братьями. Но пусть они и не наследуют своё превосходство по некоему майоратному праву, они всё равно остаются первыми среди равных. Вероятно, это и является одной из тех причин, по которой классические языки пользуются уважением и продолжают изучаться. Их изучение прививает чувство традиции, позволяет ощутить, как связаны между собой языки и народы Европы и более того, помогает увидеть как эти, казалось бы, *мёртвые* языки продолжают жить и сегодня (вероятно, наилучшая альтернатива для канувшего в Лету античного культа предков).

В целях же нашего исследования важно то, что раз эти языки классические, значит и практика их изучения, в частности их лексикографического описания, должна быть, вероятно, соответствующая, т.е. образцовая. Более того, для нас это хорошая возможность рассмотреть способы лексикографирования, применяющиеся не только в традиционных двуязычных словарях, но и в словарях других видов, и имеющих другое назначение. В общем, для целей нашего исследования было взято два словаря классических языков. Латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого (2003 год, 11-е издание, словник более 200 тыс. слов), а также латинско-русский словообразовательный словарь Г.Вс. Петровой (2008 год, словник около 20 тыс. слов). Как можно заметить, для исследования были взяты словари с разными назначениями. Это очень важно, так как каждый вид словаря обладает своими собственными целями и, как следствие, различным способом описания словарного материала. В рамках нашего исследования особый интерес представляет словарь Г.Вс. Петровой. Предполагается, что именно с помощью словообразовательного словаря

пользователь может получить максимально подробную и удобно представленную информацию об этимологии и внутренней форме слова. С другой стороны также интересно узнать, в каком объёме и как эта информация представлена в обычном двуязычном словаре.

Первое на что необходимо обратить внимание при сравнении исследуемых словарей – это их (пользуясь терминологией В.П. Беркова) мегаструктура [Берков, 2004, с. 15], т.е. из каких частей состоит словарь. Словарь И.Х. Дворецкого в этом отношении является предельно сжатым: помимо непосредственно словника в нём можно обнаружить правила пользования (занимают полстраницы А4), список сокращений и условных обозначений, алфавит, краткое описание правил латинской фонетики, а также представлен корпус текстов, использованных при составлении словаря. То есть, как и в случае с англо-русскими словарями, отдельный список словообразовательных аффиксов в словаре И.Х. Дворецкого отсутствует. В словаре Г.Вс. Петровой мы обнаруживаем совершенно иную ситуацию: из около 700 страниц словаря 110 страниц занимают различного рода приложения. В словаре достаточно подробно и ясно описаны структуры словарной статьи и словарного гнезда и что ещё важнее дан достаточно обширный список словообразовательных аффиксов, в который входит 107 элементов (не считая позиционных вариантов одних и тех же аффиксов). В словаре они обозначены как начальные и конечные словообразовательные элементы. У начальных элементов, т.е. префиксов описаны их значения, позиционные варианты (имеются в виду варианты, появившееся в результате ассимилятивных процессов, например, у префикса *sub-* имеется 9 таких вариантов, их появление зависит от первой буквы корня, к которому присоединяется префикс), а также пример с переводом. Конечные словообразовательные элементы описываются схожим образом, но графа «позиционные

варианты» отсутствует, вместо неё указывается производящая основа (это может быть существительное, прилагательное, глагол в форме супина или основа инфекта). В общем, можно заметить, что в словаре Г.Вс. Петровой представлен довольно большой объём информации о словообразовательных морфемах латинского языка и, что ещё важнее, это информация представлена наглядно. Наличие в словаре Г.Вс. Петровой такого списка является, учитывая его назначение, вполне закономерным, также, впрочем, как является закономерным отсутствие подобного списка в словаре И.Х. Дворецкого. Дело в том, что цель любого качественного двуязычного словаря – это помочь пользователю понять и перевести текст на незнакомом ему языке, и словарь И.Х. Дворецкого с этой задачей отлично справляется. Поэтому отсутствие в нём списка словообразовательных аффиксов нельзя назвать его существенным недостатком. Но с другой стороны, включение такого списка также, вероятно, не было бы чем-то избыточным, а наоборот сделало бы этот словарь более удобным. И что ещё важнее, это вполне соответствует его назначению, так как может помочь пользователю сориентироваться в лексическом богатстве исследуемого языка, упорядочить его знания о нём и, как следствие, перевести незнакомое слово или текст (так как очевидно, что запомнить значения нескольких наиболее употребительных словообразовательных морфем намного проще, чем регулярно заглядывать в словарь в поисках сформированного аффиксальным способом дериватива).

В целом же, следует признать, что в двуязычном словаре И.Х. Дворецкого наличие списка словообразовательных морфем не является чем-то совершенно обязательным. Эти морфемы вполне могут описываться непосредственно в словнике словаря, однако необходимо отметить, что в словаре И.Х. Дворецкого описание этих морфем весьма

скудно. Для примера можно взять словарную статью уже упомянутого префикса *sub-* : *приставка, означающая главным образом: 1) нахождение внутри или под (subaeratus); помещение внутрь или под (subdo); скрытость (subausculto); 2) немного, несколько (subagrestis)* [Дворецкий, 2003, с. 732]. Автор этой дипломной работы, конечно, не претендует на титул профессионального лексикографа, но даже с точки зрения обычного пользователя, чувствуется, что это словарная статья не слишком информативна. Вероятно, причина этого кроется в том, что хотя указанные значения и проиллюстрированы примерами, эти примеры для ещё большей наглядности следовало перевести. Можно предположить, что оставив эти примеры без перевода, лексикограф добивался экономии места в словаре. Что ж это возможное объяснение, однако, возникает несколько вопросов. Во-первых, почему он добивается экономии места исключительно здесь, в то время как в других случаях, приводя многочисленные примеры, он обязательно снабжает их переводом, а также указанием из какого текста или чьего авторства этот пример? А во-вторых, если лексикограф столь сильно пожелал сэкономить место в словаре, что отказался ради этого от перевода иллюстративных примеров, для каких, в таком случае, целей ему понадобилось пояснение *главным образом*? Разве не является очередность перечисления этих значений верным указателем того, какие значения у вокабулы актуализируются *главным образом*, а какие находятся на лексико-семантической периферии? Скорее всего, это *главным образом* намекает пользователю на то, что у этого префикса есть и другие значения, но которые, по мнению составителя словаря, являются либо несущественными, либо пользователю вряд ли встретятся. Что ж возможно это действительно так, однако полной уверенности в этом нет, и потому хотелось бы сделать ещё несколько касающихся этой словарной статьи замечаний.

Во-первых, что именно подразумевает составитель словаря, указывая значение *немного, несколько*? Если перевести приведённый им пример, мы увидим что *subagrestis* – грубоватый, исходя из этого, можно сделать вывод, что под *немного, несколько* подразумевается, вероятно, *неполнота качества, свойства*. Такое значение у этого префикса, очевидно, есть, и на него также указывает словарь Г.Вс. Петровой. Но если рассмотреть несколько других слов с префиксом *sub-*, в частности, *sub-admoveo* (придвигать, приближать), *sub-audio* (слегка слышать, улавливать краем уха), *sub-levo* (приподнимать), мы обнаружим, что у этого префикса есть ещё одно значение, обозначим его как *неполнота действия* (в словаре Г.Вс. Петровой подобное значение не отмечено). На подобное предположение, конечно, можно было возразить, сказав, что значение *немного, несколько* вполне включает в себя, выделенное нами значение. Не исключено; однако из примера, приведённого в словарной статье (*subagrestis* – грубоватый) заключить об этом достаточно трудно. И возможно, что раз это значение как бы расщепляется, было бы вполне разумно и (что очень важно) полезно для пользователя привести ещё один пример, тем самым указав на различные оттенки этого значения. Как это сделано, например, со значением *скрытость*. На разборе этого значения также хотелось бы отдельно остановиться.

Но прежде необходимо оставить ещё несколько замечаний, касающихся рассматриваемой сейчас словарной статьи. Ранее было сказано, что словарная статья к префиксу *sub-* представляется недостаточно иллюстративной (в виду того, что приведённые в ней примеры не переведены), а также, что в ней наблюдается некоторая непоследовательность в выделении значений и их оттенков. Теперь же хотелось бы обратить внимание на количество указанных в словарной статье значений. Действительно ли этот префикс (весьма продуктивный с

точки зрения словообразования) обладает лишь двумя значениями? Чтобы проверить это, первое, что необходимо сделать, это, вероятно, обратиться к словарю Г.Вс. Петровой. Там перечислены следующие значения префикса *sub-*: расположение под чем-либо, ниже чего-либо; подчинение; неполнота качества свойства; немного, несколько [Петрова, 2008, с. 22]. Следует обратить внимание на выделенное в словаре Г.Вс. Петровой значение *подчинение*. Оно действительно существует и его можно разглядеть в таких словах как *sub-custos* (помощник сторожа, младший привратник), *sub-curator* (помощник управляющего) *sub-doctor* (помощник учителя) или даже в *Sub-ballio* (шутливое обозначение рабов юноши Баллиона из пьесы *Псевдол* Тита Макция Плавта). Однако даже такой несколько расширенный в словаре Г.Вс. Петровой список возможных значений префикса *sub-* является, вероятно, не совсем исчерпывающим. Так, например, какие, из указанных выше, значений актуализируются в таких словах как *subhasto* (продажа с торгов), *subsanno* (издеваться, глумится), *sub-orior* (возрождаться, вновь возникать), *sub-lingulo* (любитель подлизывать блюда, вновь из текста Плавта)? Ряд подобных исключений можно было бы постараться продолжить, однако это не относится к задачам нашего исследования. В целом же, хотелось бы предположить, что, возможно, префикс *sub-* имеет другие значения помимо тех, что указаны в словарях И.Х. Дворецкого и Г.Вс. Петровой. Почему эти значения не были в них указаны неизвестно. Но вне зависимости от того какими соображениями руководствовались составители изучаемых словарей, хотелось бы также обратить внимание, что в работах И.Р. Гальперина и В.К. Мюллера у префикса *sub-* (пускай это уже фактически префикс другого языка, хотя и заимствованный из латыни) указано больше значений. В частности там указаны: более мелкое подразделение (*subdivision* – подразделение); передача другому лицу

(subcontract – субдоговор); *tex.* вспомогательное, дополнительное назначение какого-л. устройства, процесса и т.п. (subassembly – дополнительная сборка). Никто, конечно, не призывает приравнивать друг к другу префиксы двух разных языков и вполне возможно, что указанные значения могут быть характерны только для *sub-* английского языка. Однако если предположить, что детальный семантический анализ префикса *sub-* пока осуществлён не был, то не исключено, что в случае его проведения у латинского *sub-* будут выявлены значения сходные с английским.

Ранее было много сказано о том, как исследуемые словари в целом устроены и, как в них описываются словообразовательные аффиксы. Теперь же пришло время обратить внимание на то, как в них описываются деривативы и сложные слова. В качестве примера производного слова возьмём существительное *actio*, образованное от глагола *ago* при помощи суффикса *-io* (*-ionis*). Для пользователя словаря Г.Вс. Петровой определить, от чего и каким образом слово *actio* образованно, не представляет большой проблемы, даже если он плохо знаком с латинским языком (в этом автор смог убедиться лично). Словарь Г.Вс. Петровой – это гнездовой словарь, потому слова там расположены не в алфавитном порядке. Однако в конце книги имеется два списка: *указатель гнёзд* и *указатель латинских слов, имеющих отдельные словарные статьи*. Если пользователю необходимо какое-то конкретное слово, ему следует заглянуть сначала во второй список – там он находит нужное ему слово и получает ссылку на слово *гнездовое: actio. См. ago*. Затем в *указателе гнёзд* пользователь смотрит, на какой странице расположено *ago* и там уже находит нужное *actio*. Описанный путь может показаться чересчур затянутым, однако на деле нужные слова находятся достаточно быстро. Похоже, что, в случае гнездового словаря добиться большего удобства

проблематично.

В словарной статье *actio* в квадратных скобках даётся указание на производящую основу [ago]; на суффикс, с помощью которого это слово образованно, указания нет. Впрочем, благодаря помещенному в словарь Г.Вс. Петровой достаточно подробному списку *конечных словообразовательных элементов* определить его нетрудно. Что касается словаря И.Х. Дворецкого, там описание *actio* абсолютно аналогично (разве что найти само слово оказывается закономерно легче); в обоих словарях описание выглядит следующим образом: **āctio, ōnis f** [ago] движение. То есть указание на производящую основу в словаре И.Х. Дворецкого даётся, но словарной статьи для суффикса *-io* нет. Однако, даже не смотря на то, что этот суффикс не описан, указание на производящую основу представляется очень ценным дополнением и существенным преимуществом по отношению к ранее исследованным англо-русским словарям.

Теперь хотелось бы напомнить, что при образовании нового слова, дериватив, как известно, не обязательно должен переходить в другую часть речи. В частности, от глагола *ago* образуются формы *verbum intensivum* и *frequentativum*: *agito* и *āctito*. В обоих исследуемых словарях рядом с этими глаголами даются одинаковые пометы: [*intens/frequ* к *ago*]. Суффиксы *-to* и *-ito* с помощью которых, эти слова образованы, как и в представленном ранее случае, в словаре Г.Вс. Петровой описаны, в словаре И.Х. Дворецкого – нет. Таким образом, исходя из вышеприведённых примеров, можно заключить, что описание образованных суффиксальным способом слов в обоих словарях совпадает практически полностью. Со словами, образованными префиксальным способом ситуация, впрочем, несколько отличается.

Префиксальным способом от *ago* образованно несколько слов: *abigo*,

ambigo, adigo, dego etc. В качестве примера, рассмотрим, как в исследуемых нами словарях описывается слово *ambigo*. Слово образовано от основы *ago* путём прибавления приставки *ambi-* (позиционный вариант префикса *amb-* имеющего значение *кругом, вокруг около и т.д.*), на что в словаре Г.Вс. Петровой даётся достаточно чёткое указание: **ambigo**, –, –, **ere** [ambi + ago] колебаться, сомневаться [Петрова, 2008, с. 35]. Несколько иную ситуацию можно наблюдать в словаре И.Х. Дворецкого, в нём это слово описывается следующим образом: **amb-igo**, –, –, **ere** [ago] колебаться, сомневаться [Дворецкий, 2003, с. 51]. Различия в описании этого слова могут показаться, в общем-то, не столь уж значительными: оба словаря, пускай и разными способами, дают пользователю понять, от какой основы и с помощью какой приставки выбранное слово образовано. Впрочем, способ, использованный в словаре Г.Вс. Петровой, кажется всё-таки более удобным и демонстративным. Что же касается словаря И.Х. Дворецкого, то ему в описании вокабул недостаёт не столько наглядности, сколько последовательности. Выше был представлен ряд слов, образованных от основы *ago* приставочным способом, из этих слов было взято одно, с предположением, что все остальные слова этого ряда в пределах одного словаря должны одинаково описываться. Однако, предположение это оказалось ложным. Путём прибавления приставки *ambi-* к основе *ago* также образовано слово *ambages*, описанное в словаре И.Х. Дворецкого следующим образом: **ambāgēs**, **um** *f pl.* (*sg. тк abl. e*) [ambi + ago] 1) окольные пути [Дворецкий, 2003, с. 51]. То есть слова, образованные от одной и той же основы, с помощью одной и той же приставки, описываются по-разному. С чем связано и чем объясняется данное решение неизвестно (впрочем, отнюдь не исключено, что у составителя словаря такое объяснение может быть). Также как неизвестно почему *Ambarvālia* даётся с пояснением [amb + argum], *ambe-cisus* и *ambi-*

egnus с пояснениями [caedo] и [agnus] соответственно, а слова *amb-ago*, *ambi-edo* и *ambi-fariam* даются без каких-либо пояснений вообще: **ambi-fariam** *adv.* двояким образом (*argumentum proponere Ap*) [Дворецкий, 2003, с. 51]. Такое положение дел может показаться весьма *ambagiosus*, однако определённую закономерность попытаться установить всё-таки можно. Что объединяет слова *ambigo*, *ambiegnus* и *ambecisus* (в словарных статьях этих слов в квадратных скобках даётся указание на производящую основу), помимо того, что они образованы при помощи одной приставки? – чередование гласного в корне. Что объединяет слова *amb-ago* и *ambi-edo*? – глагольные основы соединяются с приставками, не изменяясь. Что касается слов *Ambarvālia* и *ambages*, то в отношении них какую-либо взаимосвязь установить сложнее. Чтобы понять, что их объединяет, вероятно, следует расширить выборку и рассмотреть другие слова, в словарных статьях которых также указывается и производящая основа, и словообразовательный префикс. К таким относятся, например: *dēbeo* [de + habeo], *dēbilis* [de + habilis], *dēbriātus* [de + ebrius], *dēbrio* [de + ebrio], *dēgrūto* [de + grumus], *dēnicālis* [de + nex], а также *deinde* [de + inde], имеющее следующую помету *часто, а в поэзии всегда ei – дифтонг*. Приведённые слова достаточно разнородны, и указать, какой конкретно признак их объединяет несколько проблематично. Однако можно заметить, что при образовании этих слов происходят довольно большие фонетические изменения: в *dēbeo* и *dēbilis* происходит сопровождаемое удлинением гласного выпадение звуков; в *dēbriātus* и *dēbrio* гласная в приставке также удлиняется; в *dēnicālis* смещается ударение и меняется согласная в корне; в *deinde* изменяется артикуляция звуков. Смещение ударения и удлинения гласных в корне характерно и для *Ambarvālia* и *ambages*. То есть, в целом, следует признать, что определённая закономерность в составлении словообразовательных помет (имеются в

виду те случаи, когда слово образовано префиксальным способом) в словаре И.Х. Дворецкого присутствует. Её можно свести к трём правилам. Если при образовании слова, ни производящая основа, ни приставка своего звучания не меняют – словообразовательной пометы нет (например, словарные статьи слов *derogo*, *derideo*, *depungo*). Если при образовании слова, в корне происходит чередование гласного – в словарной статье в квадратных скобках даётся указание на производящую основу (как в случае со словами *ambe-cisus* и *ambi-egnus*). Если при образовании слова, в корне и приставке происходят крупные фонологические изменения (выпадение звуков, ассимиляции, удлинение гласных, дифтонгизация и т.п.) – даётся указание, как на производящую основу, так и на приставку. Этот, использованный в словаре И.Х. Дворецкого, подход, очевидно, не лишён своей логики, однако, по мнению автора, является чрезмерно усложнённым, и что важнее, с точки зрения описания мотивированности слов недостаточно нагляден. Что касается словаря Г.Вс. Петровой, то в нём для всех слов, образованных префиксальным способом, даётся указание и на основу, и на приставку.

Изучив, как описываются слова, образованные путём добавления разного рода аффиксов, хотелось бы рассмотреть, как словари И.Х. Дворецкого и Г.Вс. Петровой описывают сложные слова. В качестве примера сложного слова возьмём глагол *purgo*. Этот глагол интересен тем, что его происхождение установлено лишь предположительно, на что в обоих словарях даётся соответствующее указание (помечается астериксом): **pūrgo, āvī, ātum, are** [*purigo от *purus* + *ago*] чистить очищать [Петрова, 2008, с. 42]. Слова, образованные от *purgo* суффиксальным способом имеют указание на производящую основу: **pūrgātio, ōnis** [*purgo*] чистка, отчистка, очищение [Петрова, 2008, с. 41]. Описание совпадает в обоих исследуемых словарях. Как можно заметить, указание на то, что

основа представляет собой сложное слово, отсутствует, вместо этого указывается лишь, скажем так, предыдущее звено словообразовательной цепи. Данное решение представляется вполне оправданным: как и в ранее приведённом примере (с существительным *cogitatio*), пользователь может восстановить эту словообразовательную цепочку самостоятельно.

Далее стоит отметить, что бывают случаи, когда эта словообразовательная цепочка может быть ещё длиннее: когда слово суффиксальным способом образованное от сложного слова, само становится основой для образования другого слова (как суффиксальным, так и приставочным путём). Это будет легче объяснить на примере. Прилагательное *purgativus* (мед. слабительный) образованно от прилагательного *purgatus* (чистый, непорочный), которое, в свою очередь, образованно от сложного слова *purgo*. Последние два слова цепи образованны суффиксальным способом: *purgatus* – с помощью суффикса *-tus*; *purgativus* – с помощью *-ivus*. Логично будет предположить, что в словарной статье *purgativus*, так же как и в статье *purgatio*, будет даваться ссылка только на то слово, от которого это прилагательное непосредственно образованно, то есть *purgatus*. Это предположение вполне справедливо для словаря Г.Вс. Петровой, где интересующая нас словарная статья выглядит следующим образом: **pūrgātīvus, a, um** [purgatus] очистительный, i.e. слабительный (medicamen) [Петрова, 2008, с. 41]. Словарь И.Х. Дворецкого в свою очередь, пропускает одно из звеньев словообразовательной цепи и отсылает пользователя сразу к *purgo*. В общем-то, это тоже вполне оправданное решение, так как словарь И.Х. Дворецкого – это словарь не словообразовательный, и у него совершенно другие цели, которые он может достичь, не давая никакой информации о словообразовании вообще. Однако, не стоит делать поспешных выводов. Возьмём другое слово, например *jurgiosus*. Оно образовано от

существительного *jurgium* (путём прибавления суффикса *-osus*), которое образованно от существительного *jurgo* (прибавлением суффикса *-ium*), которое в свою очередь является сложным глаголом, образованным от слов *jus* и *ago*. В целом, между *jurgiosus* и *purgatives* можно провести аналогию и предположить, что в словаре И.Х. Дворецкого при *jurgiosus* будет отсылка к *jurgo* (как от *purgatives* к *purgo*). Однако это не так. Словарь И.Х. Дворецкого, так же как и словарь Г.Вс. Петровой, отсылает пользователя от *jurgiosus* к предшествующему звену словообразовательной цепи – слову *jurgium*: **jūrgiōsus, a, um** [jurgium] сварливый AG [Дворецкий, 2003, с. 432]. Также и в случае с другим имеющим долгую словообразовательную судьбу словом: **nāvigiolum, ī n** [demin. к *navigium*] судёнышко, чёлн *bAfr*, С [Дворецкий, 2003, с. 506]. Цепочку словообразования этого слова лучше для краткости писать схематично: *navigiolum* < *navigium* < *navigo* < *navis* + *ago*. С другой стороны, слову *fumigatio* в словаре И.Х. Дворецкого не даётся вообще никаких словообразовательных помет (существительное образовано суффиксальным способом от сложного слова *fumigo*): **fūmigātio, ōnis f** окуривание СА [Дворецкий, с. 340]. Выявить причину этой избирательности в описании деривативов в рамках проводимого исследования достаточно проблематично.

Подводя итог данному исследованию латинского-русских словарей, хотелось бы сделать несколько кратких выводов. В словарях, как Г.Вс. Петровой, так и И.Х. Дворецкого, описанию словообразования и мотивированности слов уделяется достаточно большое внимание. Для словаря Г.Вс. Петровой это является, в общем-то, вполне закономерным, так как это словарь словообразовательный, для словаря И.Х. Дворецкого это, в тоже время, достаточно ценное дополнение, выгодно выделяющее его на фоне других двуязычных словарей (по крайней мере, на фоне тех, которые были исследованы ранее). Однако, в виду того, что описание

словообразования не входит в число главных задач словаря И.Х. Дворецкого, это описание не лишено некоторых недостатков. К их числу, во-первых, следует отнести очень скудное описание словообразовательных морфем: суффиксы в словнике словаря отсутствуют практически полностью, а те аффиксы, которые в словаре всё-таки есть, описаны, как представляется, не слишком наглядно и информативно. Этот недостаток можно было бы устранить, увеличив объём описания этих аффиксов и дополнив словарь отдельным их списком, по примеру работ Г.Вс. Петровой и А.С. Хорнби. Список аффиксов необходим также по той причине, что оба словаря, описывая образованные суффиксальным способом слова, дают указание лишь на производящую основу, не указывая, при этом, использованный для образования слова суффикс. В результате, в то время как человек, использующий словарь Г.Вс. Петровой (в котором такой список имеется), может найти этот суффикс самостоятельно и без особых трудностей – пользователь словаря И.Х. Дворецкого, хотя и видит, что слово является производным, какой-либо информации о суффиксе найти не может. Таким образом, можно отметить, что в этом отношении словарь Г.Вс. Петровой оказывается более удобным.

Что касается приставок, то их описанию оба словаря оказывают некоторое предпочтение. Во-первых, приставки в словаре И.Х. Дворецкого, в отличие от суффиксов, найти можно. А во-вторых, при описании слов, образованных с помощью приставок, оба словаря на эти приставки указывают. Впрочем, нельзя сказать, что в этом отношении между словарями наблюдается полное единство. Словарь Г.Вс. Петровой указывает на использование в словообразовании приставки, каждый раз, когда это использование имеет место. А словарь И.Х. Дворецкого, описывая образованные приставочным способом слова, использует несколько довольно замысловатых правил, оправданность применения

которых автор было ранее поставлено под сомнение. Представляется, что как для составителя, так и для пользователя словаря было бы проще, если бы приставки указывались, либо во всех случаях, либо, как суффиксы, ни в каких. Также стоит отметить, что в словаре И.Х. Дворецкого, в отличие от словаря Г.Вс. Петровой, не указываются приставки, позаимствованные из греческого языка. Так как словарь *латинско-русский*, это решение, вероятно, можно считать оправданным. Хотя, в общем, греческие приставки в словник латинского словаря включить всё-таки можно, так как, очевидно, ничто не мешало образованному римскому гражданину, используя греческую приставку, изобрести новое латинское слово.

Что же касается сложных слов, оба словаря вполне логично указывают на те основы, сложением которых эти слова образованы. Если же слово имеет достаточно длинную словообразовательную цепочку, исследованные словари указывают на её предшествующее звено, предлагая пользователю восстановить эту цепочку самостоятельно – решение это представляется вполне оправданным и не наносящим какого-либо ущерба информативности этих словарей. В целом, хотелось бы отметить, что сравнение словарей Г.Вс. Петровой и И.Х. Дворецкого указывает на то, что в рамках двуязычного (не словообразовательного) словаря можно удобным и наглядным образом дать достаточно большое количество информации о мотивированности и способе образования слов, при этом, не перегружая словарь и не увеличивая его объём. Более того, по мнению автора, некоторые использованные в словарях И.Х. Дворецкого и Г. Вс. Петровой лексикографические приёмы вполне можно применять и при составлении англо-русских словарей. Результат подобного *совмещения* лексикографических практик может иметь предположительно следующий вид:

mal|adroit [ˌmæləˈdrɔɪt] < adroit *a* неловкий; бестактный

under|bred [ˌʌndəˈbred] < bred **1** *a* 1) дурно воспитанный; вульгарный 2)
нечистокровный, непородистый

three-master [ˌθriːˈmɑːstə] < three **1** + mast **II** *n* трёхмачтовое судно

trouble|maker [ˈtrʌblˌmeɪkə] < trouble **1** + maker *n* нарушитель
спокойствия, порядка; смутьян

fox|glove [ˈfɒksɡlʌv] < fox **1** + glove **1** *n* *бот* наперстянка

reason|able [ˈriːznəbl] < reason **1** *a* 1) (благо)разумный; рассудительный

reason|ab|ly [ˈriːznəbli] < reasonable + ly *adv* 1) разумно

un|reason|able [ʌnˈriːznəbl] < reasonable *a* 1) непомерный, чрезмерный;
непомерно высокий (о цене и *m.n.*); an ~ demand необоснованное
требование

un|reason|ed [ʌnˈriːznd] < unreason + ed² *a* непродуманный;
неаргументированный

Описывая мотивированность слов, автор стремился достичь максимально возможного баланса между информативностью и компактностью словарных статей. По этой причине при описании образованных аффиксальным способом слов даётся указание только на корень, от которого слово образовано, а словообразовательный аффикс, как правило, не указывается, а даётся лишь в некоторых особых случаях (которые будут названы чуть ниже). Это связано с тем, что, если для каждого образованного аффиксальным способом слова, указывать прямо, каким аффиксом оно образовано, это сильно увеличит объём словарных статей и, следовательно, значительно сократит их число, что крайне не

желательно. Представьте себе, например, сколько после словарной статьи для префикса *under-* идёт образованных с его помощью слов. Указывать для каждого из них, каким аффиксом оно образованно, было бы весьма не экономно. Поэтому, по мнению автора, целесообразнее было бы указывать только основу слова, при этом дав пользователю возможность самостоятельно сделать вывод о том, каким способом и при помощи чего этого слово образованно. Для того чтобы пользователю было легче понять, из каких морфем слово состоит и, следовательно, как оно образованно, внутри заглавного слова показаны границы между морфемами. Однако, как было сказано ранее, в некоторых случаях существует необходимость указывать не только корень мотивированного слова, но и аффикс, с помощью которого оно образованно. Это необходимо в случаях фузии (как например, в слове *reasonably*), в случаях, когда аффикс имеет несколько значений (например, суффикс *-ed*, который может образовывать формы *Past Indefinite* и *Participle II*), а также, если существует несколько омонимичных аффиксов (например, суффикс *-er*, образующий сравнительную форму прилагательных и омонимичный ему суффикс со значением *деятель, лицо, занимающиеся определённым родом деятельности*, как в словах *swimmer, singer*). Если у аффиксов есть несколько значений, или имеет место их омонимия, в словарной статье необходимо помечать, в каком именно значении аффикс использован. Что касается сложных слов, их описание в целом схоже с описанием слов образованных аффиксальными способами: указываются обе основы и их значения, а внутри заглавного слова показывается граница между этими основами. По мнению автора, представленные им модели словарных статей достаточно наглядны и информативны. В удобной для пользователя форме они предоставляют необходимый минимум информации о мотивированности слов, при этом, не перегружая словарь и не увеличивая

значительно его объём. Впрочем, автор отнюдь не исключает, что в ходе дальнейших исследований предложенные словарные статьи, с учётом мнения коллег и пожеланий потенциальных пользователей, будут усовершенствованны и дополнены.

Выводы по главе 2

В первой части практической главы были рассмотрены англо-русские словари И.Р. Гальперина и В.К. Мюллера, а также толковый словарь английского языка А.С. Хорнби. Во всех перечисленных словарях были найдены интересные, с точки зрения описания мотивированности слов, решения. В словаре И.Р. Гальперина, например, значения образованных аффиксальным способом слов описываются через ссылки на родовое слово и словообразовательную морфему. Такой способ описания, по мнению автора, является достаточно удобным и информативным. Схожий способ применяется, также и в словаре А.С. Хорнби, который, более того, имеет некоторое преимущество перед отечественными словарями, так как включает в себя отдельный список наиболее употребительных словообразовательных аффиксов. Представляется, что подобные списки можно было бы разумно включать и в переводные словари, это никак бы не отразилось на их объёме (так как речь идет, по сути, о перемещении словарной статьи из одного места в другое), но увеличило бы при этом удобство их использования.

Что касается описания сложных слов, то в этом вопросе подходы отечественных и зарубежных лексикографов разошлись. В словарях И.Р. Гальперина и В.К. Мюллера никакого указания на то, что сложное слово является мотивированным не даётся, более того, не даётся указания также и на то, что слово, вообще, является сложным. В словаре А.С. Хорнби эта проблема, между тем, особой остроты не имеет, так как в отличие от

отечественных работ этот словарь имеет алфавитно-гнездовую структуру (в результате, все сложные слова находятся в одном гнезде и сделать выводы, об их природе особого труда не составляет). Отсюда, конечно, вовсе не следует вывод, что алфавитная структура отечественных словарей хуже алфавитно-гнездовой. Однако с точки зрения отображения лексической мотивированности, скудность в описании сложных слов можно считать существенным недостатком исследованных отечественных словарей. Недостатком, который, впрочем, несомненно, можно тем или иным способом решить. Например, через добавление каких-либо дополнительных словообразовательных помет, либо так, как это было сделано в изученных нами латинско-русских словарях.

К числу таких словарей относятся латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого, а также латинско-русский словообразовательный словарь Г. Вс. Петровой. При описании сложного слова в них даётся ссылка на те основы, от которых это слово образовано. Решение, вероятно, наиболее простое и очевидное, однако от этого ничуть не менее удачное: оно наглядно, удобно для пользователя, не перегружает словарную статью, не увеличивает чрезмерно объём словаря. Что касается образованных аффиксальным способом слов, то в исследованных латинско-русских словарях они описываются приблизительно так же, как и в словаре И.Р. Гальперина. Однако следует отметить, что описание самих словообразовательных аффиксов в словаре И.Х. Дворецкого довольно скудно.

В общем, можно подвести итог, что, с точки зрения описания мотивированности слов, каждый исследованный словарь имеет свои преимущества и недостатки. Ответ на вопрос, что с ними делать, вероятно, вполне очевиден – собрать вместе все преимущества, отбросив прочь все недостатки. Дать ответ на вопрос, насколько такое решение осуществимо –

это, вероятно, задача будущих исследований. Впрочем, в рамках этой работы вполне возможно заложить для этих исследований некую практическую основу. Для этого, были разработаны примеры словарных статей, демонстрирующих пользователю мотивированность слов. В предложенных словарных статьях учтены лексикографические приёмы, использованные при составлении изученных ранее англо-русских и латинско-русских словарей. Разработанные словарные статьи, по мнению автора, являются довольно компактными и наглядными. Впрочем, возможность их использования при составлении реальных словарей ещё необходимо проверить в ходе дальнейших исследований.

Заключение

В ходе проведённой работы было изучено то, как явление мотивированности слов отражается в практике отечественной, а также зарубежной лексикографии. В общей сложности было рассмотрено 5 словарей, которые описывают разные языки и имеют различные цели (было исследовано несколько переводных словарей, а также толковый и словообразовательный словари). Было выяснено, что явление мотивированности в разных словарях описывается по-разному и в разных объёмах. Это, в общем, не является чем-то очень неожиданным, и потому по-настоящему важно скорее то, что мотивированность слов описывается именно в каждом из исследованных словарей, вне зависимости от их предназначения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что лексикографы чувствуют необходимость такого описания, а раз оно необходимо, значит его можно и, возможно, даже нужно совершенствовать. Отсюда, в свою очередь, можно заключить, что проведённая работа обладает определённой практической значимостью, а также что она открывает возможности для дальнейших исследований в данной области.

Также хотелось бы отметить, что все поставленные перед началом работы задачи были выполнены. Были рассмотрены как англо-русские, так и латинско-русские словари. Причём стоит отметить, что используемые в них лексикографические приёмы порой действительно отличаются. Из чего можно сделать вывод, что идея исследовать в рамках данной работы словари латинского языка была удачной. Как и планировалось, в ходе работы было выявлено несколько недостатков в описании словарями лексической мотивированности, а также и сформулированы идеи того, как эти недостатки можно было бы устранить. Что же касается теоретической части, в ней был разобран довольно широкий круг вопросов по интересующей нас теме, освещение которых, с одной стороны, помогло

при проведении данного исследования, а с другой, может служить основой для последующих работ и теоретических рассуждений. То есть, в целом, можно сделать вывод, что работа была проведена успешно: в ходе её выполнения удалось не только достигнуть всех поставленных задач, но и сформировать предпосылки для последующих исследований. Остаётся лишь надеяться, что эти исследования действительно последуют.

Библиографический список

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / И.С. Алексеева – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-ое изд., испр. и доп. [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
3. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие [Текст] / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод [Текст] / Л.С. Бархударов – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
5. Белякова, Е.И. Проблема определения единицы перевода при подготовке переводчиков в ВУЗе [Текст] / Е.И. Белякова // Вестн. Череп. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 34–37.
6. Берков, В.П. Двужычная лексикография. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.П. Берков В.П. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 236 с.
7. Блинова, О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность [Текст] / О. И. Блинова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 5–11.
8. Блинова, О. И. Проблемы диалектной лексикологии [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. И. Блинова. – Саратов, 1975. – 44 с.
9. Блинова, О. И. типологизирующая функция внутренней формы слова [Текст] / О. И. Блинова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2 (65). – С. 30–33.

10. Блинова, О.И. Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) [Текст] / О. И. Блинова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (Филология). – 2012. – №. 10 (125). – С. 136–140.
11. Блинова, О.И. Международная научная конференция «Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. [Текст] / О.И. Блинова, Т.А. Демешкина (Томск, ТГУ, 24-26 октября 2012 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 3 (23). – С. 121–125.
12. Блинова, О.И. Мотивология и её аспекты [Текст] / О. И. Блинова – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 394 с.
13. Блинова, О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте [Текст] / О. И. Блинова // Вопросы сибирской диалектологии. – Омск, 1976. – №. 2. – С. 3–17.
14. Бродович, О. И. Единица перевода: Онтология? Эвристика? [Текст] / О. И. Бродович // Материалы XXIX межвуз. научно-методич. конференции преподавателей и аспирантов. – Вып. 8. – СПб., 2000. – С. 13–14.
15. Букина, В.А. Современная английская лексикография [Текст] / В.А. Букина // Вестн. Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология. – 2014. – № 4 (Т1). – С. 99–103.
16. Васильева, Е.А. Единица перевода и коммуникативный эффект [Текст] / Е.А. Васильева // Вестн. С.-Петербур. унта. Сер. 9. – 2007 – № 1 – Ч 2. – С. 52–54.
17. Де Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
18. Дронова, Л. П. Лексикографические проблемы в свете антропологической лингвистики [Текст] / Л. П. Дронова // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 26–32.
19. Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие [Текст] / В.В. Дубичинский – М. : Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

20. Дубовский, Ю.А. Становление лексикографии в отечественном языкознании [Текст] / Ю.А. Дубовский // Изв. Самарского научного центра РАН. – 2014. – № 2. – С. 166–171.
21. Жуков, Д.А. Мы – переводчики [Текст] / Д.А. Жуков – М.: Знание, 1975. –112 с.
22. Иванищева, О.Н. «Хороший двуязычный словарь»: принципы современной лексикографии и наследие В.Б. Беркова [Текст] / О.Н. Иванищева // Вестн. Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3 (2). – С. 59–62.
23. Козырев, В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии [Текст] / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопр. лексикографии. – 2014. – № 1 (5). –С. 5–15.
24. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе [Текст] / В.Н. Комиссаров – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
25. Латышев, Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения) [Текст] / Л.К. Латышев – М.: Международные отношения, 1981. –284 с.
26. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Текст] / Ю. С. Маслов – М.: Высш. школа, 1975. – 327 с.
27. Минченков, А.Г. Объект сопоставления при переводе и проблема переводимости [Текст] / А.Г. Минченков // Вестн. С.-Петербур. унта. Сер. 9. – 2007 – № 3. – Ч I. – С. 75–81.
28. Минченков, А.Г. Проблема выделения единицы перевода и возможности её решения в рамках когнитивно-эвристической модели [Текст] / А.Г. Минченков // Вестн. С.-Петербур. унта. Сер. 9. – 2008 – № 1. – Ч 1. – С. 162–166.
29. Мочалина, К.Н. Понятия «произвольность» и «условность» в их отношении к понятию «мотивированность» (на материале идиоматических

единиц английского языка) [Текст] / К.Н. Мочалина // Изв. Самарского науч. центра РАН. – 2008. – № 1. – С. 261–266.

30. Нуриев, В.А. Единица перевода, единица ориентирования, переводема: различные подходы к определению одной категории [Текст] / В.А. Нуриев // Изв. РГПУ им. А.И.Герцена. Аспирантские тетради – СПб., 2008. – № 35(76). – Ч 1: (Общественные и гуманитарные науки). – С.265–268.

31. Ольховская, А.И. Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии [Текст] / А.И. Ольховская // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 1 (27). – С. 74–92.

39. Попова, Л.В. Типологии и классификации словарей [Текст] / Л.В. Попова // Вестн. Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20. (67). – С. 106–113.

32. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1 [Текст] / А.А. Потебня – М.: Учпедгиз, 1958. – 161 с.

33. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика [Текст] / А.А. Потебня – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

34. Прокопьева, О. В. Многоаспектность понятия внутренней формы [Текст] / О. В. Прокопьева // Вестн. С.-Петербур. унта. Сер. 9. – 2012. Вып. 3. – С. 178–183.

35. Савенко, А. С. Комплексное исследование мотивированной лексики в русском, английском и французском языках [Текст] / А.С. Савенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10 (163) – С. 74–82.

36. Савенко, А. С. Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь как источник для изучения явления мотивации слов [Текст] / А.С. Савенко // Вопр. лексикографии. – 2015. – № 2 (8). – С. 98–109.

37. Савенко, А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков как источник лингвокультурной информации [Текст] /

- А.С. Савенко // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 85–94.
38. Савенко, А.С. Особенности осознания мотивировочных признаков носителями русского и английского языков [Текст] / А.С. Савенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 68–74.
39. Сдобников, В. В. Теория перевода [Текст] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ, 2006. – С. 448.
40. Чанчина, А. В. Понятие словообразовательной мотивации в современной лингвистике [Текст] / А. В. Чанчина // Вестн. Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 3. – С. 234–238.
41. Черняховская, Л. А. Существует ли единица перевода? [Текст] / Л. А. Черняховская // Теория и практика перевода. – Вып. 295. – М., 1987. – С. 26–32.
42. Шадрин, Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика [Текст] / Н. Л. Шадрин – Саратов, 1991. – С. 22–24 .
43. Шафтельская, Н. В. Мотивационно-сопоставительный словарь предметно-бытовой лексики русского и английского языков [Текст] / Н. В. Шафтельская // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 1 (3). – С. 45–55.
44. Шафтельская, Н.В. Типы соотношений лексических единиц с точки зрения их мотивированности / немотивированности (на материале предметно-бытовой лексики русского и английского языков) [Текст] / Н.В. Шафтельская // Язык и культура. – 2012. – № 3 (19). – С. 65–70.
45. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика [Текст] / А. Д. Швейцер – М., 1973. – С. 71–72.
46. Шевченко, А.А. Концепция знаковой природы и феномен «внутренней формы» языка в работах У.Д. Уитни (на материале монографий W.D. Whitney “Language and the Study of Language” и “Life and Growth of

Language”) [Текст] / А.А. Шевченко, М.В. Самсонова // Вестн. Вятского гос. ун-та. – 2013. – Вып. 2 (2). – С. 46–49.

47. Шерстяных, И.В. Практическая лексикография [Текст]: учеб. пособие / И.В. Шерстяных. – Иркутск: ФГБОУ ПО «ИГЛУ», 2012. – 392 с.

49. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике [Текст] / Л.В. Щерба – Л., 1958. – 182 с.

50. Whitney, W.D. Life and Growth of Language [Текст] / W.D. Whitney // Classics in Semantics. N.Y., 1965. – 144 p.

Словари, использованные при написании работы

1. Гальперин, И.Р. Большой англо-русский словарь / И.Р. Гальперин ; сост. Н.Н. Амосова и др.; под общ. руководством И.Р. Гальперина. – 2-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 1997. – 1688 с.

2. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: более 200000 слов и словосочетаний / И.Х. Дворецкий. – 11-е изд., стер. – Москва: Русский язык – Медиа, 2008. – 843 с.

3. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. – 9-е изд. – М.: Рус. яз., 2002. – 880с.

4. Петрова, Г.Вс. Латинско-русский словообразовательный словарь: около 20000 слов / авт.-сост. Г.Вс. Петрова. – Москва: Оникс: Мир и Образование, 2008. – 701с.

5. Хорнби, А.С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа : специальное издание для СССР / А.С. Хорнби при участии А.П. Коуи. – Москва: Русский язык; Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1982. – 1568 с.

Приложение 1

Словарные статьи, использованные при написании работы

Новый англо-русский словарь М.К. Мюллера	Большой англо-русский словарь И.Р. Гальперина	Толковый Словарь Современного Английского Языка для Продвинутого Этапа А.С. Хорнби
baker [ˈbeɪkə] <i>n</i> пекарь, бûлочник	baker [ˈbeɪkə] <i>n</i> 1. 1) <i>см.</i> bake II+ -er² I 1; she is a good ~ она хорошó печёт пироги; 2) пекарь; бûлочник; ~'s yeast хлебопекáрные дрóжжи; ~'s salt пекáрный порошок, углекíслый аммóний; 2. амер. перенóсная печь; 3. искúсственная мýха (для рыбной ловли); ◇ ~'s dozen чёртова дюжина; ~'s feet /leg(s), knees/ мед. колéни, отклонённые внутрь.	bake /ˈbeɪk/ <i>vt, vi</i> [VP6A,22,2A,C] 1 cook, be cooked, by dry heat in an oven: ~ bread/cakes; ~d beans. The bread is baking/being ~s. 2 make or become hard by heating: The sun ~d the ground hard. Bricks and earthenware articles are ~d in kilns 3 be warmed or tanned: We are baking in the sun. half-~d <i>adj</i> (colloq) half-witted; lacking in experience or common sense: half-~d ideas; a half-~d prophet. baking-hot <i>adj</i> very hot: a baking-hot day. baking powder <i>n</i> mixture of powders used to make bubbles of gas in cakes, etc and so cause them to be light. baker <i>n</i> person who ~s bread, etc. ~r's dozen, thirteen. bak•ery /ˈbeɪkəri/ <i>n</i> (pl-ries) place where bread is ~d for many people.
baker's dozen [ˈbeɪkəz, dɒzn] <i>n</i> чёртова дюжина	—	—
—	-er¹ [-ə] <i>suff</i> образует форму сравнительной степени 1. односложных и некоторых двусложных прилагательных: colder, warmer, busier, cleverer, narrower; 2. односложных наречий, а также наречия early: faster, harder, earlier. -er² [-ə] <i>suff</i> I образует от глагольных основ существительные,	-er /-ə(r)/ <i>suff</i> 1 (v+~=n) person who carries out the action of the v: runner ; sleeper. 2 (n+~=n) practiser of: astronomer ; philosopher. 3 (also -r) (used to form the comp of an adj): stronger ; rarer; thinner. → also -ier

	обозначающие 1. лицо, деятеля 1) по его профессии или занятию: baker пекарь; joiner столяр; painter живописец; singer певец; 2) по свойственному для него или обычно производимому им действию: giggler хохотушка; sleeper соня; 3) по производимому действию или состоянию в момент речи: bather купающийся; giver тот, кто даёт, дающий; laugher смеющийся; sitter сидящий; 2. предмет, вещь, инструмент и т.п.: boiler (паровой) котёл; cracker печенье; drawer (выдвижной) ящик (стола, комода); fighter истребитель; receiver телефонная трубка; II встречается в существительных, образованных 1. От основ существительных со значением лица, деятеля по его профессии или занятию: gardener садовник; glover перчаточник; hatter шляпный мастер; jeweller ювелир; 2) лица по определённой связи с обозначенным основой предметом: lunger туберкулёзник; prisoner заключённый; 3) действия: facer удар в лицо; header удар головой (футбол) 2. От основ числительных со значением лица или предмета: fiver банкнота в пять фунтов стерлингов; fifteeners and sixteeners мальчики в возрасте пятнадцати и шестнадцати лет; forty-niner амер. разг. золотоискатель; oneг жарг. редкий человек или предмет;	

	III образует сложно-производные слова, обозначающие 1. лицо, деятеля: machine-gunner пулемётчик; first-nighter разг. постоянный посетитель театральных премьер; full-timer рабочий, занятый полную рабочую неделю; pearl-fisher ловец жемчуга; six-footer разг. человек шести футов ростом; 2. предмет вещь различного назначения: gasholder газгольдер, газохранилище; minethrower миномёт; sky-scraper небоскрёб; two-seater двухместный автомобиль; six-pager газета на шести страницах; two-rounder рыба (обычно форель) в два фунта весом. -er³ [-ə] <i>suff</i> встречается в образованных от именных основ существительных, обозначающих национальную принадлежность, местопребывание, происхождение и т.п.: разг. Britisher британец, англичанин; Londoner лондонец; New-Yorker житель Нью-Йорка; foreigner иностранец; islander островитянин; northerner северянин; southerner южанин. -er⁴ [-ə] <i>suff</i> образует имена существительные преим. шуточного или иронического характера в студенческом жаргоне (гл. обр. Оксфордского университета): breakker (от breakfast) завтрак; footer (от football) футбол.	
honeysuckle [ˈhʌnɪsʌkl] n	honeysuckle [ˈhʌnɪsʌkl] n	honey /ˈhʌni/ n 1 [U] sweet,

бот. ЖИМОЛОСТЬ	бот. ЖИМОЛОСТЬ (<i>Lonicera gen.</i>).	sticky yellowish substance made by bees from nectar; (fig) sweetness. '~•bee <i>n</i> ordinary kind of bee that lives in hives. '~•dew <i>n</i> [U] (a) sweet, sticky substance found on the leaves and stems of plants in hot weather. (b) tobacco sweetened with molasses. ~•suckle /'hʌnɪsʌkl/ <i>n</i> [U] climbing shrub with sweet-smelling tube-shaped yellow or reddish flowers. 2 [C] (<i>pl~s</i>) (colloq) sweetheart; darling: <i>Come here, my ~s</i>, eg mother to her children. ~ed /'hʌnɪd/ <i>adj</i> sweet as ~: <i>~ed words</i>.
bullfinch ['bʊlfɪntʃ] <i>n</i> 1) снегирь 2) густая живая изгородь со рвом	bullfinch¹ ['bʊlfɪn(t)] <i>n</i> зоол. снегирь (<i>Pyrrhula rubicilla</i>). bullfinch² ['bʊlfɪn(t)] <i>n</i> густая живая изгородь со рвом	bull¹ /bʊl/ <i>n</i> 1 Uncastrated male of any animal of the ox family (→cow): <i>a man with a neck like a ~ (a '~neck)</i>, with a thick neck. a,~ in a china shop, person who is rough and clumsy where skill and care are needed. take the ~ by the horns, meet a difficulty boldly instead of trying to escape from it. '~•fight <i>n</i> fight between men and a ~ for public entertainment, as in Spain. '~•fighter <i>n</i> '~•ring <i>n</i> arena for ~fights. '~•shit <i>n</i> (vulg sl) nonsense; foolish and exaggerated talk. 2 male of the whale, elephant and other large animals. 3 (Stock Exchange; → bear¹(4)) person who tries to raise prices with a view to selling at a profit: <i>'~market</i>, with risings prices. 4 (compounds) '~•dog <i>n</i> large, powerful breed of dog, with a short, thick neck, noted for its strong grip and its courage. → the illus at dog. '~•doze sb into doing sth, force sb to do sth by using one's strength or by intimidating him. '~•dozer

		/'bɒldəʊzə(r)/ <i>n</i> powerful tractor that pushes a broad steel blade or sheet in front, used for leveling land, shifting large quantities of earth, etc. '~• finch <i>n</i> small songbird with rounded beak and brightly coloured feathers. '~• frog <i>n</i> large American species of frog. '~• headed <i>adj</i> clumsy, impetuous, obstinate. '~• s-eye <i>n</i> centre of target (for archers, etc). → the illus at archery. '~•- terrier <i>n</i> cross between a ~dog and a terrier.
Judas-coloured [ˈdʒuːdəs,kʌləd] <i>a</i> рыжий	Judas-coloured [ˈdʒuːdəs,kʌləd] <i>a</i> рыжий	—
Johnsonese Johnsonian [ˌdʒɒnsəˈniːz, ˌdʒɒnˈsəʊniən] <i>n</i> тяжёлый, напыщенный стиль, избилующий латинизмами (как у писателя XVIII в. Сэмюэля Джонсона)	Johnsonese [ˌdʒɒnsəˈniːz] <i>n</i> тяжёлый, напыщенный стиль, избилующий латинизмами (как у писателя XVIII в. Сэмюэля Джонсона). Johnsonian [ˌdʒɒnˈsəʊniən] = Johnsonese.	—
cakewalk [ˈkeɪkwɔːk] <i>n</i> кекуок (танец)	cakewalk [ˈkeɪkwɔːk] <i>n</i> кекуок (танец).	—

Г.Вс. Петрова			
Элемент	Значение	Позиционные варианты	Примеры
sub-	расположение под чем-либо, ниже чего-либо; подчинение; неполнота качества, свойства; немного, несколько	su- = sub- <i>перед</i> sp suc- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> c suf- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> f sug- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> g sup- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> p sur- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> r sus- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> c sus- <i>иногда</i> = sub- <i>перед</i> p	subscription подпись suspiciere глядеть снизу вверх succedere проникать sufferre подставлять; поддерживать suggredi подходить supponere подкладывать surrectio воскресение suscipere подхватывать suspendere

		sus- иногда = sub- перед t	подвешивать sustinere поддерживать
В.К. Мюллер	И.Р. Гальперин	И.Х. Дворецкий	
sub- [slab] <i>pref</i> указывает на: 1) положение ниже чего-л. или под чем-л.: subway а) тоннель; подземный переход; б) амер. подземная железная дорога, метро; subcutaneous подкожный 2) подчинение по службе, низший чин: supeditor помощник редактора 3) более мелкое подразделение: subcommittee подкомиссия; поразделять(ся) 4) передача другому лицу: subcontract субдоговор; sublease субаренда 5) недостаточное количество вещества в данном соединении: suboxide недоокись б) незначительную степень, малое количество: subaudible едва слышный.	sub- [slab] <i>pref</i> встречается в различных частях речи; особенно часто используется в научной терминологии; указывает на 1. расположение ниже чего-л. или под чем-л.: subfluvial подводный; subsoil подпочва; грунт; subterraneous подземный; submontane находящийся у подножия горы; 2. подчинённость по службе: subaltern младший офицер; subcommisioner помощник комиссара; subordinate подчинённый; subedit редактировать отдел (газеты и т.п.); 3. более мелкое подразделение: subdivision подразделение; subcommittee подкомиссия; subfamily подсемейство; 4. передачу другому лицу: subcontract субдоговор; sublease субаренда; sublet передавать в субаренду; 5. меньшую интенсивность какого-л. качества, свойства и т.п.: subaudible едва слышный; subconscious подсознательный; subarctic субарктический, предполярный; subnormal ниже нормального; subtropical субтропический; subparallel почти параллельный; subacid кисловатый, слабокислотный; subcalibre подкалиберный; 6. <i>tex.</i> вспомогательное, дополнительное назначение какого-л. устройства,	П sub- приставка, означающая главным образом: 1) нахождение внутри или под (subaeratus); помещение внутрь или под (subdo); скрытость (subausculto); 2) немного, несколько (subagrestis).	

	<i>процесса и т.п.: subassembly</i> предварительная сборка; subcircuit вспомогательная цепь; subdrift промежуточный штрек.		
Г.Вс. Петрова			
<i>Элемент</i>	<i>Значение</i>	<i>Позиционные варианты</i>	<i>Примеры</i>
in-	1) движение внутрь; нахождение на, в; 2) отсутствие, отрицание, не без	il- = in <i>перед</i> l im- = in <i>перед</i> b im- = in <i>перед</i> m im- = in <i>перед</i> p ir- = in <i>перед</i> r	1) instructio настраивание; 2) invalidus нездоровый 1) illaqueare улавливать; 2) illaudatus бесславный 1) imbibere впитывать; 2) imbonitas злоба 1) immissio впускание 2) immobilis неподвижный 1) impressio впечатление; 2) impar неравный 1) irrigatio орошение; 2) irrationalis неразумный
В.К. Мюллер	И.Р. Гальперин	И.Х. Дворецкий	
in- I [in-] (<i>часто il- перед l; im- перед b, m, p; ir- перед r</i>) <i>pref</i> соответствует русскому в-, при-, внутри-; inborn, imborn врождённый, прирождённый; to inlay вкладывать, вставлять и т.п.	in-¹ [in-] (<i>тж. il-, im-, ir-</i>) <i>pref</i> выделяется в разных частях речи 1. обычно указывает на движение внутрь чего-л., во-что-л.: inearth погребать, хоронить; incoher входящий; вошедший; incorporate соединять; включать (в состав); induct вводить; 2. Часто имеет усиительное значение: immixture	II in- (<i>перед b, p, m – im-; перед l – il-; перед r – ir-</i>) 1. <i>praef. priv.</i> не-: indoctus неучёный; без-: impudens бесстыдный; 2. <i>приставка, соотв. русским в-:</i> infigere вонзать; на-, воз-, при-: imponere налагать, возлагать, прикладывать.	
in- II [in-] (<i>часто il- перед l; im- перед b, m, p; ir- перед r</i>) <i>pref</i> не-, без-; <i>напр.:</i> active деятельный – inactive бездеятельный; legal			

законный – незаконный и т.п.	illegal	смешивание; illuminate освещать; irradiance сияние, излучение. in⁻² [in-] (тж. il-, im-, ir-) <i>pref</i> выделяется в разных частях речи, преимущественно в прилагательных и их производных 1. имеет отрицательное значение: inaudible неслышный; irrational неразумный; нерациональный; impossible невозможный; 2. обозначает отсутствие какого-л. качества: incapable неспособный; inoffensive безобидный; immature незрелый; illiteracy неграмотность; irreligious неверующий.

И.Х. Дворецкий	Г.Вс. Петрова
amb-igo, –, –, are [ago] 1) колебаться, сомневаться, <i>преим. pass.</i> ambigi подвергаться (подлежать) сомнению: res ambigitur <i>C</i> etc. И ambigitur de re aliqua <i>C, Q, L</i> etc. что-л. подлежит сомнению; omnis res eandem habet naturam ambigendi <i>C</i> всякий вопрос нужно рассматривать с обеих сторон (<i>m.e.</i> всесторонне); non ambigitur <i>T</i> не подлежит сомнению; 2) спорить (de hoc scriptores inter se ambigunt <i>Treb</i>); судиться (de finibus <i>Ter</i>; de hereditate <i>C</i>): qui ambigunt <i>C</i> спорящие стороны: ambigitur quid enim? о чём же спор?	ambigo, –, –, are [ambi + ago] колебаться, сомневаться; <i>преим. pass.</i> ambigi подвергаться (<i>подлежать</i>) сомнению; спорить (ambigitur quid enim? о чем же спор?); судиться de hereditate
ambāgēs, um <i>f pl.</i> (<i>sg. тк. Abl. e</i>) [ambi + ago] 1) окольные пути, обходные дороги, извилины (<i>viarum O</i>; <i>itinerum PM</i>); 2) околичности, обиняки, увертки, уловки, неясная, дусмысленная речь, (<i>тж. verborum a. VM</i>) загадочные, туманные слова: ambagibus missis <i>H</i> без обиняков; a. parrare <i>Ter</i> говорить уклончиво; per a. <i>L</i> окольным путём, образно, символически; 3) недоумение: magna civitatis ambage <i>PM</i> к великому недоумению города.	ambāgēs, um <i>f pl.</i> (<i>sg. тк. Abl. e</i>) [ambi + ago] окольные пути, обходные дороги, извилины (<i>viarum</i>); околичности, обиняки, увертки, уловки, неясная, дусмысленная речь, (<i>verborum a.</i>); загадочные, туманные слова, уклончивость (<i>a. parrare</i> говорить уклончиво); недоумение
Ambravālia, ium <i>n</i> [amb + arvum] <i>весеннее празднование в честь Цереры Vor.</i>	_____

ambe-cīsus, ūs <i>m</i> [caedo] обрезывание кругом <i>Vr.</i>	_____
ambi-egnus, a, um [agnus] культ. (о жертвенном животном) сопровождаемый двумя ягнятами (<i>ambiegna bos Vr.</i>).	_____
amb-āgo, inis <i>f</i> загадочность, туманность (<i>rerum Man.</i>).	ambāgo, inis <i>f</i> [ambages] загадочность, туманность (<i>rerum</i>)
amb-edo, ēdi, ēsum, ere 1) объедать, обгрызать (<i>quidquid herbidum T — o саранче</i>); проедать, <i>m.e.</i> растрачивать полностью (<i>ихoris dotem Pl</i>); 2) обжигать, повреждать (<i>robora ambesa flammis V</i>).	_____
ambi-fāriam <i>adv.</i> двойким образом (<i>argumentum proponere Ap</i>).	_____
āctio, ōnis <i>f</i> [ago] 1) движение (<i>singulae tetrant(or)um actions Vtr</i>); 2) <i>тж. pl.</i> действие, деятельность, активность (<i>virtutis laus omnis in actione consistit C</i>): <i>a. corporis C</i> физическая деятельность, <i>тж. CC</i> физиологические функции; <i>a. vitae C</i> жизнедеятельность, образ жизни; <i>actiones publicae C</i> политическая деятельность; 3) поступок, деяние (<i>actiones honestae, rectae Sen</i>); 4) совершение, исполнение: <i>gratiarum a. C, PJ</i> и <i>actiones PJ</i> изъявление благодарности; 5) совещание (<i>tribunorum L, C</i>); переговоры (<i>consulum de pace C</i>); 6) судебный процесс, дело, тяжба (<i>a. civilis C</i>); жалоба, иск (<i>actionem constiturere, instituere или intendere C, adversus aliquem VM</i>); 7) обвинительная речь (<i>actiones Verrinae C</i>); 8) форма иска (<i>actiones componere C</i>); 9) позволение (право) возбудить судебное дело (<i>actionem postulare и dare C</i>); 10) мероприятие, распоряжение (<i>a. consularis, tribunicia L</i>); 11) <i>юр.</i> процессуальная формула: <i>inde illa a.: «ore consiloque tuo furtum aio factum esse» C</i> отсюда формула «я утверждаю, что кража совершена тобой и по твоему замыслу»; 12) судебное заседание, слушание дела, сессия (<i>action in C. Verrem prima C</i>); 13) <i>рит.</i> выразительные средства, ораторская манера (<i>a. Vehemens, plena animi C</i>): <i>actionem Cicero alias quasi sermonem, alias eloquentiam quondam corporis dicit Q</i> под термином « <i>actio</i> » Цицерон понимает как будто то (самую) речь, то некое телесное красноречие (<i>m.e.</i> мимику и жестикуляцию); 14) сценическое	āctio, ōnis <i>f</i> [ago] движение; поступок, деяние; совершение, исполнение; совещание, переговоры; судебный процесс, дело, тяжба; жалоба, иск; обвинительная речь; форма иска; позволение (<i>право</i>) возбудить судебное дело; мероприятие, распоряжение; <i>юр.</i> процессуальная формула; судебное заседание, слушание дела, сессия; <i>ритор.</i> выразительные средства, ораторская манера; сценическое представление, актёрская игра; <i>pl.</i> действие, деятельность, активность

представление, актёрская игра (a. tragica C).	
āctito, āvī, ātum, āre [frequ. к ago] часто делать, обычно вести (causas multas C); <i>teamp.</i> часто играть, выступать, исполнять (tragoedias C; mimos T).	āctito, āvī, ātum, āre [frequ. к ago] часто делать, обычно вести; <i>teamp.</i> часто играть, выступать, исполнять (tragoedias)
I cōgito, āvī, ātum, āre [co- + agito] 1) мыслить, размышлять, думать (aliquid или de re aliquā): с. secum (animo, cum animo и in animo) <i>Pl, Ter, C etc.</i> рассуждать про себя; futura с. думать о будущем; consilia cogita C (хорошо) обдуманнные планы; si vere с. volumus C если желаем правильно мыслить, т.е. при надлежащем рассмореении; spatium sumere ad cogitandum C взять время для размышления; 2) придерживаться мнения, быть расположенным (male, bene с. de aliquot или adversus и in aiquem C, <i>Nep, Su etc.</i>); 3) представлять себе, воображать (aliquid in animo C): id potestis cum animis vestries с. C это вы (сами) можете себе представить; cogitate cum animis vestries <i>Cato</i> имейте в виду; 4) задумывать, замышлять, затевать (proscriptions et dictaturas, facinus C): с. de altero consulatu gerendo C помышлять о втором консульстве; de reddenda re publicā с. <i>Su</i> помышлять о восстановлении республики; aliquid ad perniciem с. <i>Nep</i> замышлять что-л. с целью погубить; res novas с. <i>T</i> задумать переворот; 5) намереваться прибыть, рассчитывать отправиться (с. in Tusculanum C; cras с. C): Beneventi cogitabam hodie C сегодня я думал быть в Беневенте. II cōgito, -, -, āre [intens к соgo] 1) собирать (milites <i>Treb</i>); 2) заставлять, принуждать (aliquid facere <i>Vlg.</i>).	cōgito 1, āvī, ātum, āre [cum + agito] мыслить, размышлять, думать, рассуждать; придерживаться мнения; быть расположенным; представлять себе воображать; задумывать, замышлять, затевать; намереваться прибыть, рассчитывать отправиться cōgito 2, -, -, āre [intens к соgo] собирать (milites); заставлять, принуждать (facere)
co-agito, -, ātum, āre утрясать (mensura bona et coagitata <i>Vlg.</i>).	coagito, -, ātum, āre [cum + agito] утрясать (mensura coagitata)
dēbeo, uī, itum, ēre [из *dehabeo de + habeo] быть должным, задолжать (alicui pecuniam C): aliquid satis dato d. C получить что-л. в долг под соответствующий залог; illi, quibus debeo C мои кредиторы; illi, qui debent C (debentes <i>L, Sen</i>) должники; animam d. <i>погов. Ter</i> задолжать душу (т.е. быть по уши в долгах) <i>pass. deberi</i> причитаться, следовать (pecunia debetur alicui C etc.): maxima debetur puero reverential <i>J</i> к ребёнку следует относиться с величайшим	dēbeo, uī, itum, ēre [*dehabeo de + habeo] быть должным, задолжать; быть обязанным, ощущать необходимость; быть обречённым, подвластным; <i>преим. pass. Deberi</i> быть обречённым, подлежать, быть предназначенным; <i>pass. Deberi</i> причитаться, следовать; <i>debet юр. формула</i> «я должен»

уважением; 2) быть обязанным (d. alicui gratiam C, salutem, vitam O); ощущать необходимость: illa multo gravius aestimare debemus C; мы должны это считать гораздо более серьёзным; dicere debentia dici H сказать то, что должно быть сказно; 3) преим. pass. быть обречённым: urbem cerno d. O я вижу, что (троянцам) суждено построить город (Рим); deberi bustis O подлежать сожжению на кострах; habet, quod sibi debebatur Pt он получил то, что заслужил; debitus conjunx O предназначенный судьбой супруг (суженый); Pergama debita V обречённый (на гибель) Пергам; deberi morti H (fatis V) быть подвластным смерти (обречённым на смерть); tu, nisi ventis debes lusibrium, cave H остерегайся, если ты не должен (т.е. чтобы тебе не) стать игралищем ветров. – См. тж. debitum и debitus.	
I dēbilis, e [de + habilis] 1) слабый (manus O); немощный (corpus C); дряхлый (senex C); бессильный (ferrum V); обессилевший (metu Ter); слабосильный (equi L); разбитый параличом (crus Su); 2) пустой, призрачный (umbra O). II dēbilis, is m [debilis I] инвалид, калека Sen, QC, Lact.	dēbilis 1, e [de + habilis] слабый, немощный, бессильный, дряхлый; обессилевший, слабосильный; пустой, призрачный dēbilis 2, is m [debilis I] инвалид, калека
dēbriātus, a, um [de + ebrius] 1) хмельной, пьяный Eccl; 2) перен. опьянённый, упоённый (spiritūs sancti gratiā Aug).	_____
dēbrio, āvī, ātum, āre [de + ebrio] поить допьяна (aliquem aliqua re Eccl).	_____
dē-grūmo, –, –, are [de + grumus] выравнивать (forum Enn; viam LM).	_____
dēnicālis, e [de + nex] погребальный, смертный: feriae denicales V etc. поминальное торжество, тризна, поминки.	_____
deinde (часто, а в поэзии всегда ei – дифтонг) [из de + inde] 1) пространство: отсюда, далее: via peragusta, d. paulo latior patescit campus L дорога крайне узкая, далее местность несколько расширяется; 2) время: потом, вслед за тем, после того: plebs Montem Sacrum prius, d. Aventinum occupavit C плебеи заняли сначала Священную гору, а потом Авентийский холм; 3) даже, наконец: veniam dedimus precantibus, pacem cum victis fecimus, tutelage	_____

d. nostrae duximus <i>L</i> мы дали им пощаду, о которой они просили, заключили с ними, побеждёнными, мир и даже приняли их под своё покровительство; 4) <i>при перечислении</i>: потом, затем, далее (primum... d. ... item... postremo <i>Cs, C etc.</i>); <i>часто в сочетаниях</i>: d. tum (tunc) <i>Vr, L, Sen, C etc.</i>; d. porro <i>Pl</i>; d. rursus <i>Lact</i>; d. postremo, d. ad extremum <i>C etc.</i>	
pūrgo, āvī, ātum, āre [<i>из *purġo от purus + ago</i>] 1) чистить, очищать (cloacas <i>Dig etc.</i>; urbem <i>C</i>); перебирать (pisum in lance <i>Pt</i>); расчищать (viam <i>Dig</i>); прочищать, слабить (radix multum valet ad purgandum <i>C</i>); 2) искупать (nefas <i>O</i>); заглаживать (malum facinus forti facinore <i>L</i>); 3) оправдывать или оправдываться (<i>в чём-л.</i>) (p. facinus <i>QC</i>; dedecora alicujus <i>Eutr</i>); опровергать (crimen <i>C</i>): aliquem de aliquā re или alicujus rei p. <i>C etc.</i> оправдывать кого-л. в чём-л.; p. se alicui <i>C</i> оправдываться (защищать себя) перед кем-л.; innocentiam suam p. <i>L</i> доказать свою невиновность; 4) очищать, освобождать: p. gavam <i>Ap</i> излечиваться от хрипоты; purgari morbid <i>H</i> излечиться от болезни; auris purgata <i>H</i> готовность слушать; p. rationes <i>Su</i> регулировать счёты, учинять расчёт, расплачиваться сполна; in aethera se purgat nubs <i>V</i> (разорвавшееся) облако показало ясность неба; 5) убирать (rudera <i>Su</i>: sordes <i>Cld</i>); удалять, устранять (metum doloris <i>Q</i>): purgatā suspicion <i>Ap</i> по устранении (взаимных) подозрений. pūrgo <i>Pl, Vr = purgo</i>.	pūrgo, āvī, ātum, āre [<i>*purigo от purus + ago</i>] чистить, очищать (cloacas); перебирать (pisum <i>гороx</i>); расчищать, прочищать (viam); слабить; искупать, заглаживать (nefas); оправдывать, оправдываться (dedecora); опровергать; очищать, освобождать; убирать, устранять, удалять; <i>мед.</i> слабить purigo <i>v.l. = purgo</i>
pūrgātio, ōnis f [<i>purgo</i>] 1) чистка, очистка (cloacarium <i>Eccl</i>): очищение (menstrua <i>PM</i>): p. (alvi) <i>Cato, C, CC</i> очистка кишечника; 2) <i>pl.</i> слабительные средства <i>C</i>; 3) искупление, снятие вины (peccati <i>Ter</i>; caedis <i>PM</i>); 4) оправдание, извинение (p. et deprecatio <i>C</i>).	pūrgātio, ōnis f [<i>purgo</i>] чистка, очистка, очищение; искупление, снятие вины; оправдание, извинение; <i>pl.</i> слабительные средства
pūrgātīvus, a, um [<i>purgatus</i>] очистительный, <i>m.e.</i> слабительный (medicamen <i>CA</i>).	pūrgātīvus, a, um [<i>purgatus</i>] очистительный, <i>i.e.</i> слабительный (medicamen)
jūrgiōsus, a, um [<i>jurgium</i>] сварливый <i>AG</i>.	jūrgiōsus, a, um [<i>jurgium</i>] сварливый
jūrgātōrius, a, um сварливый (vocis sonus <i>Amm</i>).	jūrgātōrius, a, um [<i>jurgo</i>] сварливый (vocis sonus)
jūrgātrix, icis f сварливая женщина <i>Eccl</i>.	jūrgātrix, icis f [<i>jurgo</i>] сварливая женщина
acceptōrius, a, um служащий для приёма (воды); принимающий (modulus <i>Frontin</i>).	acceptōrius, a, um [<i>accipio</i>] принимающий; служащий для приёма (воды)
captīvo, āvī, ātum, āre захватывать,	captīvo, āvī, ātum, āre [<i>capto</i>] захватывать,

завладевать (<i>Africa captivate CJ</i>); брать в плен (<i>aliquem Aug</i>).	завладеть; брать в плен
nāvigiolum, ī n [<i>demin. к navigium</i>] судёнышко, чёлн <i>bAfr, C</i> .	nāvigiolum, ī n [<i>demin. к navigium</i>] судёнышко, чёлн
fūmigatio, ōnis f окуривание <i>CA</i> .	fūmigatio, ōnis f [<i>fumigo</i>] окуривание
lēvigatio I, ōnis f [<i>levigo I</i>] разглаживание, полировка <i>Vtr.</i> lēvigatio II, ōnis f [<i>levigo II</i>] облегчение, ослабление (<i>doloris CA</i>).	lēvigatio I, ōnis f [<i>levigo I</i>] разглаживание, полировка lēvigatio II, ōnis f [<i>levigo II</i>] облегчение, ослабление (<i>doloris</i>)
nāvigatio, ōnis f [<i>navigo</i>] плавание (<i>на корабле</i>); судоходство, мореплавание (<i>n. ignoti maris Sen; per maria CA</i>): <i>n. litorea Amm</i> каботажное судоходство морской рейс, возможность отправится в плавание (<i>primam navigationem nom omittre C</i>): <i>patiens navigationis Just</i> судоходный.	nāvigatio, ōnis f [<i>navigo</i>] плавание (<i>на корабле</i>); судоходство, мореплавание; морской рейс; возможность отправится в плавание: <i>patiens navigationis</i> судоходный
nāvigātor, ōris m [<i>navigo</i>] мореплаватель, мореход, моряк <i>Q, Eccl</i> .	nāvigātor, ōris m [<i>navigo</i>] мореплаватель, мореход, моряк
satagiū, a, um [<i>satago</i>] хлопотливый, полный тревоги, беспокойный (<i>s. ac sibi molestus Sen</i>).	satagiū, a, um [<i>satago</i>] хлопотливый, полный тревоги, беспокойный
vervāctum, ī n [<i>vervago</i>] земля под паром <i>или</i> новь, целина <i>Catom Vr, Col, PM</i> .	vervāctum, ī n [<i>vervago</i>] земля под паром, новь, целина
ob-jūrgo, āvī, ātum, āre 1) бранить, порицать, делать выговор (<i>aliquem de или in aliquā re C, редко MF aliqujus rei</i>); 2) отговаривать, отклонять (<i>aliquem a peccatis Pl</i>); 3) наказывать, бить (<i>aliquem verberibus Sen, colaphis Pt</i>).	objūrgo, āvī, ātum, āre [<i>ob + (jurgo = jus I + ago)</i>] бранить, порицать, делать выговор; отговаривать, отклонять (<i>aliquem a peccatis</i>); наказывать, бить (<i>verberibus</i>)
impūrgābilis, e неискупимый, непростительный (<i>crimen Amm</i>).	impūrgābilis, e [<i>in + purgabilis</i>] неискупимый, непростительный (<i>crimen</i>)
in-nāvigābilis, e [<i>innavigo</i>] несудоходный (<i>Tiberis L</i>).	innāvigābilis, e [<i>innavigo</i>] несудоходный

Приложение 2

Примеры словарных статей, отражающих явление лексической мотивированности, созданные при написании работы

1. **admis|sion** [əd' mɪf(ə)n] < admit *n* 1) разрешение, доступ 2) pl. поступающие в какую-н. организацию (больница и т.п.) 3) плата за вход, допуск куда-н. 4) допущение
2. **afore|mentio|ned** [ə' fɔ:(r), menʃ(ə)nd] < mention **II** + ed³ *a* вышеупомянутый.
3. **ami|ability** [,eɪmiə' bɪləti] < amiable *n* благожелательность, любезность; приветливость
4. **Brexit** ['breksɪt] < Britain + exit **I** брексит, процесс выхода Великобритании из состава ЕС
5. **brunch** [brʌntʃ] < breakfast + lunch *n* поздний завтрак, бранч (*приём пищи, объединяющий завтрак и обед*)
6. **cake|ism** [keɪkɪzɪm] < to eat one's cake and have it (*см. cake I*) *n* окказ. кейкизм, склонность выдвигать многообещающие, но нереализуемые предложения (*как правило, политические*)
7. **chain-smoke** ['tʃeɪnsməʊk] < chain **I** + smoke **II 3** *v* непрерывно курить; закуривать одну сигарету от другой; $\approx$ не вынимать сигареты изо рта
8. **cock|roach** ['kɒkrəʊtʃ] < cock¹ **I** + roach (*от исп. cucaracha*) *n* таракан
9. **cock|tail** ['kɒk, teɪl] < *неясн.* cock + tail¹ **I** *n* 1) коктейль 2) закуска из морепродуктов 3) фруктовый коктейль (*охлаждённые нарезанные фрукты*) 3) *воен. жарг.* зажигательная смесь
10. **con|stella|tion** [,kɒnstə'leɪʃ(ə)n] < stellar **I** *n* созвездие; плеяда ~ of genius плеяда гениальных личностей
11. **down|grade I** ['daʊn, greɪd] < grade **II** *v* принижать, умалывать важность; понижать в должности; развенчивать
12. **evaluate** [ɪ'vælju:et] < evaluation *n* 1) оценивать, устанавливать стоимость 2) давать оценку, определять качество важность *и т.п.*

13. **fox|glove** [ˈfɒksɡlʌv] < fox **I** + glove **I** *n* бот наперстянка
14. **im|perfect** [ɪmˈpɜ:(r)fɪkt] < perfect **I** *n* 1) несовершенный, дефектный; неполный 2) грам. имперфект, прошедшее незавершённое время
15. **Jackson|ian** [ˌdʒækˈsəʊniən] < Jackson *a ист.* джексоновский, относящийся к эпохе Джексона (*Эндрю Джексон, Президент США 1829-1837*)
16. **Jacobeth|ian** [ˌdʒækəbi:θ(ə)n] < Jacob + Elizabeth *a арх.* яковетинский (*сочетающий черты стилей эпохи Якова I и Елизаветы I, британских монархов XVI в.*); ~ mansions особняки в яковетинском стиле
17. **Lexit** [ˈleksɪt] < left¹ **II** + brexit *n* *окказ.* выход Великобритании из состава ЕС, обосновываемый с левых политических взглядов
18. **longevity** [lɒnˈdʒevəti] < long¹ (*от поздн. лат. longaevitas*) *n* долголетие, долговечность
19. **mal|adroit** [ˌmæləˈdrɔɪt] < adroit *a* неловкий; бестактный
20. **mari|gold** [ˈmæriˌɡəʊld] < Mary + gold **I** *n* *бот.* 1) ноготки (*Calendula*) 2) бархатцы (*Tagetes*)
21. **marsquake** [ˌmɑ:(r)sˈkweɪk] < Mars **2** + quake **I** *n* марсотрясение; сейсмические толчки и колебания поверхности, фиксируемые на Марсе
22. **merry-go-round** [ˈmerɪgəʊˌraʊnd] < merry **I** + go **III** + round **III** *n* 1) карусель 2) вихрь (*удовольствий и т.п.*)
23. **note|book** [ˈnəʊtˌbʊk] < note **I** + book **I** *n* тетрадь, записная книжка, блокнот
24. **olde-worlde** [ˌəʊldɪ ˈwɜ:(r)ldɪ] < old **II** + world **I** + -e (= -ie) *a* *преим. ирон.* стилизованный под старину; старинный
25. **out⁷|cast** [ˈaʊtˌkɑ:st] < cast **II** *n* изгнанник; бездомный; брошенный, покинутый
26. **philipp|ic** [fɪˈlɪpɪk] < Philip *n* *обыкн. pl.* филиппика, обличительная речь
27. **reason|ably** [ˈri:znəbli] < reasonable + ly *adv* 1) разумно
28. **reason|able** [ˈri:znəbl] < reason **I** *a* 1) (благо)разумный; рассудительный

29. **sapph|ic** I ['sæfɪk] < Sappho *a* 1) лесбийский 2) связанный с Сафо, сафический (*преим. о стихах и т.п.*)
30. **Satur|day** ['sætə(r)deɪ] < day (*от древн.-англ. sæternesdæg – день Сатурна*) *n* суббота
31. **scot|-free** [ˌskɒt'fri:] < scot² *a* безнаказанный, нетронутый
32. **screw|driver** ['skruːˌdraɪvə(r)] < screw **I** + driver **1 n** 1) отвёртка 2) коктейль «отвёртка» (водка с апельсиновым соком)
33. **self|-esteem** [ˌselfɪ'sti:m] < esteem **I n** самоуважение, чувство собственного достоинства
34. **share|holder** ['ʃeə(r), həʊldə(r)] < share **I** + holder¹ **3 n** держатель акций, акционер
35. **star|gaze** ['stɑ:(r), geɪz] < star **I** + gaze **II v** *преим. ирон.* 1) предаваться мечтам 2) упиваться созерцанием знаменитостей
36. **t-|shirt** ['ti:ʃz:(r)t] < shirt **I** футболка, тенниска
37. **three-master** [θri:'mɑ:stə] < three **1** + mast **II n** трёхмачтовое судно
38. **tom|boy** ['tɒm, bɔɪ] < tom- + boy **I n** пацанка, девушка или девочка, ведущая себя по-мальчишески
39. **trouble|maker** ['trʌbl, meɪkə] < trouble **1** + maker *n* нарушитель спокойствия, порядка; смутьян
40. **un|reason|able** [ʌn'ri:znəbl] < reasonable *a* 1) непомерный, чрезмерный; непомерно высокий (*о цене и т.п.*); an ~ demand необоснованное требование
41. **un|reason|ed** [ʌn'ri:znd] < unreason + ed² *a* непродуманный; неаргументированный
42. **under|bred** [ˌʌndə'bred] < bred **1 a** 1) дурно воспитанный; вульгарный 2) нечистокровный, непородистый
43. **union|ist** ['ju:njənɪst] < union *n* 1) член профсоюза 2) член юнионистской партии (в Северной Ирландии), сторонник сохранения Ирландии в составе Соединённого Королевства 3) *ист.* юнионист (*противник предоставления самоуправления Ирландии; сторонник федерации во время гражданской войны в США*)

44. **up|date** **I** [ˈʌpdeɪt] < date¹ **II** *n* модернизация, обновление; последний, уточнённый вариант (доклада, программы и т.п.); последняя, новейшая информация
45. **vaccinate** [ˈvæksɪneɪt] < vaccination *v med.* делать прививку, применять вакцину, вакцинировать
46. **walk|ie-talk|ie** [ˌwɔːki ˈtɔːki] < walk **I** + talk **I** + -ie *n* портативная рация, «уóки-тóки»
47. **where|about|s** [ˈweəɹə ˌbaʊts] < where **II** + about **II** *n* местонахождение, место пребывания
48. **wood|chuck** [ˈwʊd ˌtʃʌk] < wood **I** + chuck² **III** (*от индейск. otchek*) *n* зоол. сурок лесной североамериканский (*Marmota monax*)
49. **wood|en** [ˈwʊd(ə)n] < wood + en³ *a* 1) деревянный 2) безжизненный, перен. деревянный (о лице, актёре, танцоре и т.п.)
50. **Y-|axis** [ˈwaɪ ˌæksɪs] < axis **2** *n* *mat.* ось ординат
51. **youtub|er** [jəˈtjuːbə(r)] < Youtube (*видеохостинговый интернет-сайт*) + er² **1** *n* неолог. видеоблогер, ведущий канала на ютьюб